

e-ISSN: 2658-5650

Министерство науки и высшего
образования
Российской Федерации

Российская академия наук

Институт научной информации
по общественным наукам

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**№ 1(4)
2021**

МОСКВА
2021

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Редакция:

Главный редактор:

В.А. Пицальникова – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Заместитель главного редактора:

Л.Р. Комалова – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Л.О. Бутакова – доктор филологических наук (Омск, Россия);

Н.Н. Германова – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Е.Н. Гуц – доктор филологических наук (Омск, Россия);

А.В. Кинцель – кандидат филологических наук (Барнаул, Россия);

А.В. Кирилина – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Дж. Кич-Дргас (Познань, Польша);

Е.Ф. Косиченко – доктор филологических наук (Москва, Россия);

В.В. Красных – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Н.Ф. Крюкова – доктор филологических наук (Тверь, Россия);

Е.В. Лукашевич – доктор филологических наук (Барнаул, Россия);

А.Б. Михалёв – доктор филологических наук (Пятигорск, Россия);

Е.Ю. Мяжкова – доктор филологических наук (Тверь, Россия);

В.А. Попова – доктор филологии (Шумен, Болгария);

Д.Д. Попов – доктор филологии (Шумен, Болгария);

А.Г. Сонин – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Д.Д. Трегубова – кандидат исторических наук (Москва, Россия);

Н.Н. Трошина – кандидат филологических наук (Москва, Россия);

С.А. Чугунова – доктор филологических наук (Брянск, Россия);

Э.Б. Яковлева – доктор филологических наук (Москва, Россия);

К. Янь – кандидат филологических наук (Гуанчжоу, Китай).

Ответственный секретарь:

К.С. Карданова-Бирюкова – кандидат филологических наук (Москва, Россия)

e-ISSN: 2658-5650

Ministry
of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Russian Academy
of Sciences

Institute of Scientific Information
for Social Sciences

ETHNOPSYCHOLINGUISTICS

SCHOLARLY JOURNAL

**№ 1(4)
2021**

MOSCOW
2021

Founder:
Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials:

Editor-in-chief:

Vera Pishchalnikova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Deputy editor-in-chief:

Liliya Komalova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Editorial board:

Larisa Butakova – Doctor of Science in Philology (Omsk, Russia);

Nataliya Germanova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Elena Guts – Doctor of Science in Philology (Omsk, Russia);

Alyona Kintsel – PhD in Philology (Barnaul, Russia);

Alla Kirilina – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Joanna Kic-Drgas (Poznan, Poland);

Elena Kosichenko – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Viktoriya Krasnykh – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Natalia Kryukova – Doctor of Science in Philology (Tver, Russia);

Elena Lukashevich – Doctor of Science in Philology (Barnaul, Russia);

Andrey Mikhalev – Doctor of Science in Philology (Pyatigorsk, Russia);

Elena Myagkova – Doctor of Science in Philology (Tver, Russia);

Velka Popova – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria);

Dimitar Popov – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria);

Alexandr Sonin – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Dinara Tregubova – PhD in History (Moscow, Russia);

Natalia Troshina – PhD in Philology (Moscow, Russia);

Svetlana Chugunova – Doctor of Science in Philology (Bryansk, Russia);

Emma Yakovleva – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Kai Yan – PhD in Philology (Guangzhou, China).

Executive secretary:

Kseniya Kardanova-Biryukova – PhD in Philology (Moscow, Russia)

Содержание

<i>Бутакова Л.О., Гуц Е.Н.</i> Субъективная семантика ценностно ориентированных слов: трендовое исследование лексики <i>счастье</i>	7
<i>Хлопова А.И.</i> Психологически актуальное содержание базовой ценности <i>Liebe</i> (любовь) в немецкой лингвокультуре	31
<i>Буданова А.А.</i> Метафора как средство осмысления и вербализации кризисных межличностных отношений в современной англоязычной культуре	46
<i>Ху Н., Ли Ц., Цзя Ц., Хуан И., Ван И., Бай Ц., Маэрфуха А.</i> Трансгенерационная коммуникация: установки, стратегии, ожидания	65

Contents

<i>Butakova L.O., Goots E.N.</i> Subjective semantics of value oriented words: trend study of lexeme <i>happiness</i>	7
<i>Khlopova A.I.</i> Psychologically relevant content of the basic value Liebe (love) in the German linguoculture	31
<i>Budanova A.A.</i> Metaphor as a means of conceptualizing of problematic interpersonal relations in modern English-speaking culture	46
<i>Hu N., Li J., Jia Q., Huang Y., Wang Y., Bai J., Maerfuha A.</i> Transgenerational communication: attitudes, strategies, expectations	65

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н.

**Субъективная семантика
ценностно ориентированных слов:
трендовое исследование лексемы *счастье****

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, Омск, larisabut@rambler.ru, egoots@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи – изложение выводов, полученных в ходе трендового исследования субъективной семантики одного стимула, принадлежащего к актуальной лексике русского языка, – лексемы *счастье*, проходившего с 2003 по 2021 г. Объект исследования – семантика слова как субъективная величина, фрагмент языкового сознания информантов молодого возраста. Исследование выявило динамику ядра ассоциативного поля (АП) (наиболее стереотипной части) по линии первоначального роста с 2002–2003 г. от 76,6% до 79,9 – в 2010–2012 и уменьшения до 52% в 2020–2021 г.; увеличение числа лексем в ядре, изменение их частотности (уменьшение области стереотипа), переструктурирование окооядерной части, постоянный рост периферии поля. Моделирование когнитивной структуры ассоциативного поля дало возможность увидеть относительную устойчивость когнитивных (смысловых) областей его состава. Установлены неизменность типов когнитивных слоев (смысловых областей) в составе ассоциативного поля, разное наполнение каждого слоя, стабильность / изменчивость качественного и количественного параметров, что является показателями линий, по которым формируется семантика стимула как достояние индивида. Эксперименты показывают разницу линий изменения субъективной семантики лексемы *счастье* в языковом сознании подростков, несходство темпов динамики разных фрагментов, тенденции подвижности стабильных частей.

---

* © Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., 2021

Ключевые слова: субъективная семантика слова; актуальная лексика; ассоциативный эксперимент; трендовое исследование; языковое сознание.

Поступила: 28.07.2021

Принята к печати: 06.09.2021

Butakova L.O., Goots E.N.

**Subjective semantics of value oriented words:
trend study of lexeme *happiness****

*Omsk Dostoevsky State University,
Russia, Omsk, larisabut@rambler.ru, egoots@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the article is to present the findings obtained in the course of a trend study of subjective semantics of one stimulus which falls into the current vocabulary of the Russian language – lexeme *happiness*, ran between 2003 and 2021. The research object is the semantics of a word as a subjective value, a fragment of the linguistic consciousness of young respondents. The findings have revealed the dynamics of the core of the associative field (AF) (the most stereotyped part) along the line of initial growth from 76,6% to 79,% between 2002–2003 and 2010–2012 and further decrease to 52% in 2020–2021; an increase in the number of lexemes in the nucleus, a change in their frequency (a decrease in the stereotype component), restructuring of the perinuclear part, a constant increase in the periphery of the field. The ratio of all parts of the associative field, compiled from the results of the experiments in 2020–2021, shows the most tangible dynamics of the subjective semantics of this stimulus. The model of the cognitive structure of the associative field revealed the relative stability of the cognitive (semantic) areas of its composition. The constancy of the types of cognitive layers (semantic areas) in the composition of the AF, different content of each layer, stability / variability of the qualitative and quantitative parameters, which are indicators of the lines along which the semantics of the stimulus is formed as the property of an individual, have been established. The experiments have shown the difference in the directions of change in the subjective semantics of the lexeme *happiness*, the dissimilarity of the dynamics of different fragments, the mobility of stable parts.

Keywords: subjective semantics of a word; actual vocabulary; associative experiment; trend research; language consciousness.

Received: 28.07.2021

Accepted: 06.09.2021

---

* © Butakova L.O., Goots E.N., 2021

Введение

Субъективному значению актуальной лексики, языковых знаков разной величины, передающих те или иные феномены, уделяется немало места в современных психолингвистических исследованиях. Что стоит за словом в ментальном лексиконе носителя языка разного возраста, какова динамика «значения для себя» и «для других», как меняется значение «слова во времени и пространстве», в чем состоит специфика значения «слова как “живого знания”» (по А.А. Залевской), какие продукты переработки опыта познания и общения отражаются человеком в семантике языкового знака – вот те проблемы, которые пытаются решить представители психолингвистической парадигмы экспериментальными способами ([Залевская, 2003; 2011; 2014; Петренко, 2005; Лукашевич, 2002; Мягкова, 2000; Галерея ассоциативных портретов, 2009; Методология современной психолингвистики, 2003; Методология современного языкознания, 2016; 2021; Стернин, 2020] и др.). Значение интерпретируется как динамический процесс, вовлекающий множество форм репрезентации знаний, существующих в сознании индивидов. Исследователи оценивают значение как динамическое единство общего и индивидуального, подчеркивают в нем наличие имплицитного компонента, который включает «продукт прежнего опыта оперирования знаниями о мире и набор процедур по его выведению. Совокупность таких компонентов-опор формирует сеть причинно-смысловых связей, или “облачный сервис” для поиска кратчайших, “комфортных” и эффективных путей идентификации слова, которые индивид неосознанно выбирает в ходе речемыслительной деятельности» [Голубева, 2016, с. 90].

Основными методами реконструкции субъективной семантики являются ассоциативный свободный и направленный, рецептивный эксперименты. Их описанию, технологии, эвристическому потенциалу уделено немало внимания в лингвистической литературе (см.: [Гольдин, Сдобнова, Мартьянов, 2011; Горошко, 2001; Гуц, 2005; Залевская, 2003, 2011; Курганова, 2012; Леонтьев, 2003; Ассоциативный эксперимент ..., 2019; 2021; Петренко, 2005; Стернин, 2020; Стернин, Рудакова, 2011; Рудакова, Стернин, 2016] и др.).

Понятие «актуальная лексика» вариативно. В частности, под актуальной лексикой понимается такая, которая является существенной, важной субъекту в данный период его жизни (см. дефиниции толковых словарей русского языка). Очевидно, что часть лексикона, отражающая актуальную лексику, содержит базовые

этические и эстетические смысловые образования, поскольку в ней сосредоточены названия феноменов, имеющих ценность для носителей языка. Ценности квалифицируются как «объекты действительности, явления и абстрактные идеи, являющиеся воплощением общественных идеалов, <...> представляющих для человека все значимое, дорогое, предпочтительное и совершенное» [Родзевич, 2010, с. 222]. Психолингвистами базовые ценности определяются в качестве совокупности «аксиологических понятий, содержание которых определяется способами поведения и деятельности, одобряемыми и предпочитаемыми этносом» [Пищальникова, 2021, с. 310]. При таком подходе важно акцентирование причинно-следственной связи между базовыми ценностями, ценностными ориентациями и установками индивида [там же]. Не менее важно, что психолингвистическая позиция в отношении ценностей сориентирована на взаимосвязь социального аспекта и психологической структуры деятельности [там же, с. 313]. «Становясь предметом деятельности субъекта, ценности приобретают для него личностный смысл, в виде которых они и существуют для человека» [там же, с. 311].

Лексема *счастье* связана с областью ценностей человека, входит в состав актуальной лексики носителей русского языка. В качестве концепта, идеи, ценности феномен счастья неоднократно описывался представителями разных лингвистических и психологических направлений ([Бакирова, 2011; Богданова, 2010; Воркачев, 2001; 2004; Гречко, 2004; Ле Минь Нгок, 2011; Русакова, 2007; Phillips, Misenheimer, Knobe, 2011; Concepts ... 2013; Yang, Knobe, Dunham, 2020] и др.).

Методология и методика исследования

Нас интересует субъективный аспект семантики лексемы *счастье*, стабильные и динамичные части значения слова, выявленные с помощью экспериментальных процедур, реализуемых на протяжении 17 лет.

Цель статьи – описать линии тренда субъективной семантики лексемы *счастье* на основе результатов ассоциативных экспериментов, проведенных в одной возрастной аудитории с разницей в семь и десять лет (в 2002–2003, 2010–2012, 2020–2021 гг.), выявив зоны стабильности и изменчивости.

Актуальность обусловлена выбором динамического подхода к семантике языкового знака, ориентацией на положения экспериментальной лингвистики и психолингвистики (проблематикой языкового сознания, субъективной семантики, ментального лексикона в первичном и вторичном онтогенезе и др.) ([Гуц, Худякова, 2019; Залевская, 2011; 2014; Касаткина, 2007; Королева, Цейтлин, Проект, 2013; Курганова, 2012; 2019; Пищальникова, 2001; Пищальникова, Сонин, 2017; Рогожникова, 2009; Тарасов, 2000; Уфимцева, 2003] и др.).

Объект исследования – субъективная семантика слов, обозначающих ценностные феномены, в аспекте трендового анализа. *Предмет* – стабильные и подвижные области субъективного значения лексемы, имеющей абстрактную семантику и обозначающей общечеловеческую и этническую ценность, как результат динамического процесса.

Методы и методики исследования освещались в: [Бутакова, 2018а; 2018б; Бутакова 2019; Государство ..., 2019; Гуц, 2005; Гуц, Худякова, 2019; Бутакова, Гуц, Орлова, 2018].

Общая методология учитывает положения русской психолингвистической школы в области теории сознания и его структуры (А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, Ф.Е. Василюка, В.Ф. Петренко), теории ментального лексикона / языкового сознания (А.А. Залевской, Н.О. Золотовой, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой), современной теории значения как достояния индивида (А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, Ф.Е. Василюка, А.А. Залевской, В.А. Пищальниковой, Е.В. Лукашевич и др.). В теории значения как достояния индивида (А.А. Залевская) акцентируется необходимость учета двойной жизни значения, выявления специфики слова как «живого знания» [Залевская, 2011, с. 11].

Трендовое (диахроническое) исследование субъективной семантики, целью которого является повторение эксперимента на одной и той же выборке респондентов через определенное количество лет для выявления и анализа областей стабильности и изменчивости семантики стимула, особенно интересно. Методология такого исследования направлена на установление наличия / отсутствия изменений в семантике языковых единиц, основана на распространенном в психолингвистике положении о том, что значение знака как психологический феномен пребывает в процессе непрерывного семиозиса, а индивид, идентифицируя слово, осуществляет «готовность оперировать совокупностью продуктов разностороннего предшествующего опыта, закрепленного за сло-

вом как средством доступа к единому информационному тезаурусу человека» [Залевская, 2011, с. 44].

Методической базой трендового исследования является ряд экспериментов ассоциативного типа, компонентный анализ семантики, моделирование ассоциативных полей (далее – АП), когнитивной структуры АП, сопоставление и т.п. Набор методов зависит от цели и частных задач, возможностей проведения тех или иных экспериментов в определенной аудитории респондентов.

В данном исследовании выбор слова *счастье*, семантика которого рассматривается в трендовой плоскости, произведен не случайно. Важны семантический, ценностный, временной параметры: лексема обладает абстрактным значением, называя трудноуловимый феномен, значимый для людей любой культуры, возраста, пола, социальной принадлежности; отражена в большинстве русских ассоциативных словарей и баз; входит в словник «Ассоциативного словаря подростка» [Гуц, 2004], отражающего результаты ассоциативного эксперимента (АЭ), проведенного по правилам свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) с валидной выборкой респондентов в 2002–2003 гг., содержится в новой ассоциативной базе, построенной на основе САЭ, проведенного с учетом тех же принципов в 2020–2021 гг., входит в словник «Материалов к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска» [Бутакова, 2012], созданный по результатам САЭ и направленного ассоциативного эксперимента (НАЭ) в 2010–2012 гг.; субъективная семантика лексемы в языковом сознании незрелых респондентов содержит связи с большим количеством ценностно значимых областей – *радость, любовь, семья, здоровье, деньги* и пр.

Контингент респондентов в настоящем исследовании был выбран намеренно. Подростки – часть носителей языка, у которой вторичный онтогенез не завершен, как и формирование языковой личности. Именно это обусловило выбор данной возрастной группы в качестве объекта исследования в 2002–2003 гг. Внимание Е.Н. Гуц было сосредоточено на языковой личности и языковом сознании подростков, испытывающих влияние со стороны литературных и нелитературных форм речи, отличающихся специфичных компонентов языковой картины мира и речевых привычек (см. подробное описание всех этапов эксперимента, его цели, стимульного списка и пр. в: [Гуц, 2004, с. 3–4]).

Эксперимент 2020–2021 гг. повторял условия, тип респондентов, стимульный список экспериментов 2002–2003 гг. Для дос-

тижения основной цели исследования решались следующие задачи: выявление специфики ядерно-периферийного (стереотипного / нестереотипного) распределения ассоциатов, построение когнитивной структуры ассоциативного поля, установление наиболее объемно сформированных когнитивных областей.

Результаты исследования

В ассоциативном поле *счастье*, отраженном в «Ассоциативном словаре подростка» 383 реакции образовали ядро (11 реакций с разными рангами частотности, 76,6%), околоядерная часть охватила 23 реакции (4,6%), остальные реакции единичны (60 реакций – 1,2%). Отказов достаточно много – 37 (7,4%). Можно говорить об обширной области стереотипа в данном фрагменте ментального лексикона подростков, принявших участие в эксперименте в 2002–2003 гг. Повторяющиеся реакции преобладают в 6,7 раз над единичными. Самыми частотными были реакции, относящиеся к сфере позитивных эмоций, чувств, бытия (своего рода симилары), *радость* (184 р, 36,8%); *любовь* (66 р, 13,2%); *жизнь* (43 р, 8,6%). Частотен традиционный оппозиит *горе* (26 р, 5,2%). Ассоциатов, имеющих негативные эмоциональные или оценочные компоненты значений, мало – *горе* (26), *боль* (2), *не бывает* (2), *нет* (2), *не часто*, *невозможно*, *недолго*, *несчастье*, *смерть* (37 р, 7,4%). Можно говорить, что в сознании невзрослых респондентов стимул был связан преимущественно с позитивными эмоциями и переживаниями. Соотнесение стимула с «материальными» реакциями значительного веса в составе поля не имеет – *деньги* (10), *в деньгах* (2), *1 млн долл.*, *богатство* (14 р, 2,8%).

Основная сфера, с которой соотносили стимул респонденты, – чувства, состояния, эмоциональное отношение, что отчетливо заметно в когнитивной модели ассоциативного поля. В когнитивном отношении состав АП, полученного по результатам экспериментов 2002–2003 гг., специфичен в том отношении, что самым большим смысловым сектором является сектор состояния, эмоционального отношения (62%), сформированный реакциями-существительными с абстрактной семантикой, среди которых преобладают *радость* и *любовь* (см. выше). Палитра эмоциональных состояний, отношений, чувств может быть представлена в виде своего рода смыслового поля, в составе которого можно выделить определенные линии, связанные с базовыми эмоциями и состояниями человека, в

том числе полярного типа: радость и ее проявления – *радость* (184), *веселье* (3), *смех* (2), *хорошо на душе, это когда все хорошо, экстаз* / горе и его проявления – *горе* (26), *несчастье, грусть, боль* (2); жизнь и ее проявления – *жизнь* (43), *смысл жизни / смерть* и ее проявления – *смерть, потеря*; общие и частные типы переживаний и чувств – *чувство* (2), *настроение; добро* (2), *вера, доверие, гармония, покой, свет, благодать, понимание, беспечность, полнота, свобода; любовь* (66) (схема 1).

Схема 1

**Когнитивная структура АП *счастье*,
построенного по результатам АЭ 2002–2003 гг.
с участием респондентов-подростков**

Счастье [субъекты]: близкие (2); дети; дурак 4 г, 0,8%.

Счастье [объекты]: удача (11); деньги (10); здоровье (4); 1 млн долл.; богатство; успех; секс; мир 30 г, 6%.

Счастье проявляется в чем [состояния, эмоции, отношения]: радость (184); любовь (66); горе (26); веселье (3); боль (2); добро (2); смех (2); чувство (2); беспечность; благодать; вера; гармония; грусть; доверие; настроение; мечта; несчастье; покой; полнота; понимание; потеря; праздник; свет; свобода; сказка; смерть; смысл жизни; хорошо на душе; экстаз; это когда все хорошо 309 г, 62%.

Счастье где [пространство]: семья (16); в жизни (2); в день свадьбы; в доме; дом; душа; свадьба; у меня 24 г, 4,8%.

Счастье какое [характеристика]: великое; редкость; напрокат; не купишь 4 г, 0,8%.

Счастье [оценка]: кайф (12); хорошо (4); не бывает (2); нет (2); весело; невозможно; недолго; несчастье; нирвана; покой; полнота; редко 28 г, 5,6%.

Счастье когда, сколько [время / размер / ситуация]: жизнь (43); быстро; вечно; когда все есть; когда х..й стоит; мгновение; много; не вечно; нечасто; недолго; редко 53 г, 10,6%.

Счастье что делать [действие]: было; иметь друзей; ковать; привалило 4 г, 0,8%.

Счастье [ассоциации]: в деньгах (2); не купишь 3 г, 0,6%.

Отказы 37 г, 7,4%.

АП *счастье*, построенное по результатам свободного ассоциативного эксперимента в аналогичной возрастной аудитории респондентов в 2010–2012 гг., содержит такое же выраженное ядро (317 реакций, 79,9% – 15 лексем) и небольшую периферию (46 реакций, 12,7%). Повторяющихся реакций больше в 6,9 раз по сравнению с одиночными. Высокий уровень стереотипности ассоциативных связей стимула и реакций в сознании респондентов данного возраста ощутим и здесь. Околоядерная часть составила 11 лексем

(пять лексем с рангом частотности 3 и шесть лексем – с рангом частотности 2), составляющих 7,4% от общего объема поля.

В ядре ассоциативного поля, как и в эксперименте 2002–2003 гг., преобладают реакции, передающие чувства, эмоции, состояния, время, (*радость* (47 r, 12,9%); *любовь* (32 r, 8,8%); *жизнь* (28 r, 7,7%); *веселье* (20 r); *судьба* (14 r); *гармония* (6 r); *удача* (6 r); *доброта* (7 r); *ура* (5 r); *горе*; *дружба*; *личная жизнь* (4)), которые в совокупности составляют 48,5% от общего состава поля, и материальные объекты (*деньги* (43 r, 11,8%); *семья* (34 r, 9,4%); *дети* (12 r, 3,3%); *друзья* (17 r, 4,7%); *дом* (11 r, 3%) – всего 32,2% от общего состава поля). Наиболее частотными реакциями в данном АП являются реакции *радость* (47 r, 12,9%) и *деньги* (43 r, 11,8%). Высокий ранг реакции *деньги* в данной аудитории респондентов указывает на активный процесс «материализации» счастья. Он выразился в том числе в наличии и других «материальных» реакций, указывающих на престижные марки автомобиля, компьютера, сам компьютер, новый велосипед, гитару, компьютерную игру и пр. Перечень реакций проявляет возрастные особенности языкового сознания и ценностей подростков. Вполне вероятно, что такой результат может быть связан с послеперестроечными процессами и составом респондентов.

Когнитивная структура АП содержит те же слои, кроме слоя отказов. Состав слоев различается. Разнообразен по составу реакций слой субъектов. В нем, кроме традиционных для данного стимула реакций *друзья* и *дети*, содержатся другие реакции семантических полей дружеских отношений, семьи – *друг*, *муж*, *ребенок*, а также наименования животных – *собака*, *заяц*.

Самый объемный когнитивный слой эмоциональных состояний, отношений, чувств отличается небольшим количеством реакций и их высокой частотностью. Набор реакций традиционен. Остальные когнитивные слои не столь значительны по объему. Состав слоя пространства счастья не отличается разнообразием – *семья*, *дом*, *личная жизнь*, *душа*, *школа* и пр. В составе слоя характеристики есть цветовая реакция *желтое*, а также жаргонные реакции, типичные для подростков, *классное*, *суперское*. Слой оценки также содержит жаргонные реакции – *клево*, *кайф* (схема 2).

Ассоциативное поле, построенное по результатам экспериментов, проведенных в тех же школах по той же схеме выборки респондентов в 2020–2021 гг., содержит ядро, включающее 260 повторяющихся реакций (52% – 17 лексем с высокими рангами частотности), 105 реакций околядерной части (21% – 15 лексем с рангом частот-

ности 3, 30 лексем – с рангом частотности 2), 129 единичных реакций (25,8%), 6 отказов (1,2%). По объему ядро больше периферии в 2,8 раз. Этот показатель ниже, чем в АП 2002–2003 и 2010–2012 гг., что может указывать на изменения стереотипной части семантики стимула в сторону постепенного изменения частей стереотипа. Наиболее частотные реакции – *радость* (66 р, 13,2%); *семья* (43 р, 8,6%); *любовь* (28 р, 5,6%); *улыбка* (24 р, 4,8%); *горе* (21 р, 4,2%) (см. табл. 2).

Схема 2

**Когнитивная структура АП *счастье*,
построенного по результатам АЭ 2010–2012 гг.
с участием респондентов-подростков**

Счастье [субъекты]: друзья (17); дети (12); муж (2); друг; животные; заяц; ребенок; собака 36 г, 9,9%.

Счастье [объекты]: деньги (43); дом (11); гитара (2); и деньги; компьютер; новый велик; Ростик «KFC»; тачка «Bugati Verona»; яблоко; Mand MS; 5 65 г, 17,9%.

Счастье проявляется в чем [состояния, эмоции, отношения]: радость (47); любовь (32); веселье (20); доброта (7); гармония (6); удача (7); горе (4); дружба (4); веселость; зло; надежда; разочарование; уют 127 г, 34,9%.

Счастье где [пространство]: семья (34); дом (11); небо (2); в личной жизни; не у всех (3); душа; лицо; перед глазами; у меня; школа 54 г, 14,9%.

Счастье какое [характеристика]: большое (2); желтый; классное; суперское 100% 5 г, 1,4%.

Счастье [оценка]: ура (5); кайф (3); хорошо (2); безумство; клево; плохо 13 г, 3,6%.

Счастье когда [время / предназначение]: жизнь (28); судьба (14); век (100 лет); 43 г, 11,6%.

Счастье что делать / от чего [действия / следствие действий, занятия]: личная жизнь (4); спорт (3); жить (2); здоровье (2); влюбиться; встреча; день рождения; когда все мечты исполнились 15 г, 4,1%.

Счастье [ассоциации]: хочу счастья (3); будет; пункт 35; пух; свет; сила; п 35 8 г, 2,2%.

Первые три реакции отличаются высокой частотностью во все анализируемые временные периоды. Лидирующая позиция реакции *радость* во всех полях указывает на стабильность соотношения стимула, в первую очередь с чувством удовольствия, ощущением большого душевного удовлетворения, а также на прочность речевого действия, в рамках которого одно позитивное чувство передается через другое. При этом линия тренда в паре *счастье – радость* пошла на «понижение» с 2002–2003 гг. в 2010–2012 гг., затем наметился незначительный ее подъем (см. табл. 2 – 36,8%, 12,9%, 13,2%). Относительно второй по частотности реакции *любовь* линия плавного

снижения отчетливо заметна (см. табл. 2 – 13,2%, 8,8%, 5,6%), что свидетельствует о постепенном понижении актуальности соотношения стимула с чувством глубокой привязанности к кому-чему-либо. Такое снижение «уравновешено» увеличением значимости отношений стимула со своего рода пространственной реакцией *семья* (см. табл. 2 – 3,2%, 9,3%, 8,6%). Увеличение такой связи особенно ощутимо у респондентов 2010–2012 гг. (в 2,9 раз), снижение к 2021 г. незначительно, может быть отнесено к погрешности. Значимость отношений стимула с реакцией *жизнь* сначала незначительно понизилась, затем резко упала (см. табл. 2 – 8,6%, 7,7%, 1,6%; величина 2002–2003 больше величины 2021 г. в 1,3 раза). Частотность оппозиции стимула реакции *горе* составляла в 2002–2003 гг. 5,2%, затем в 2010–2012 понизилась до 1,1%, в 2021 г. наметился рост до 4,2%.

Когнитивная структура поля содержит те же смысловые слои, что и в АП предыдущих лет. Когнитивный слой проявлений счастья через чувства, отношения, эмоции, ощущения, описательные определения самый большой – 39% (см. табл. 1). Большую часть в нем (32%) составляют реакции, передающие чувства, эмоции, эмоциональные состояния (см. схему ниже). Относительно объема этого же слоя в АП 2002–2003 гг. он уменьшился от 62% до 39, но по сравнению с АП 2010–2012 гг. увеличился от 34,4% на 5%.

Слой субъектов увеличился относительно результатов 2002–2003 г, но уменьшился относительно результатов 2010–2012 гг. Состав реакций данного слоя разнообразен: преобладают традиционные наименования людей разного возраста и семейного статуса, есть названия домашних питомцев.

Слой объектов увеличился на 4,2% относительно 2002–2003 гг. и уменьшился на 7,7% относительно 2010–2012 гг. Реакция *деньги*, столь актуальная в АЭ 2010–2012 гг., вернулась на уровень, приближающийся к частотности 2002–2003 гг. (см. табл. 2 – 1,4%). Другие реакции в составе данного слоя называют проявления эмоций и ментальных способностей (*улыбка, ум*), объекты природы (*лес, цветы*) и детские радости (*игрушки, мультик, печенки, сладости*) и пр. (схема 3).

Слой пространства отражает представления о счастье как о чем-то, находящемся во внешнем конкретном и абстрактном топосе – *дом (2); далеко от дома; рядом (5); шалаш; школа; берег; здесь; небо; не за горами; в пространстве; везде (2); мир (2); где-то; во внутреннем локусе – семья (43); в семье; в близких; сердце (3); в сердце; душа; у человека; в событийном, предметном, эмоциональном наполнении пространства – брак; выпускной; свадьба; в мелочах (6);*

в кайфе. Линия тренда данного слоя состоит в нарастании количества и разнообразия реакций (см. схему 3 и табл. 2).

Слой характеристик отличается ростом объема и состава реакций, репрезентирующих смысловые области цвета и света – *желтый (4); золотой; что-то светлое; яркое*; размера – *большое (2); огромное (2); маленькая*; времени – *вечное; долгое, долгожданное; молодое; новый*; пространства – *мое (3); свое*; качества – *простое (2); лучшее; когда все есть*.

Слой оценок несколько уменьшился относительно 2002–2003 гг., но стабилен по отношению к результатам 2010–2012 гг. В нем традиционно содержатся контрастные реакции, связанные с общим позитивным отношением, с одной стороны, полным отрицанием, с другой – *хорошо (5); кайф; оно прекрасно; прекрасно // нет (2); нету*; качественной интерпретацией, с третьей – *бесценно; дурость (что-то любимое); мнимо; иллюзия; пустота; редкость; сложно; тлен*.

Слой времени, длительности, объема счастья отражает смысловые линии отношения к стимулу как вечному / уникальному феномену – *всегда (3); вечно // не всегда; редко; редкость*; ограниченному периодом времени / недлительному – *жизнь (8); временно; время; будущее; год; момент; мимолетно*; объемному явлению *много; много не бывает*. Объем данного слоя сначала несколько увеличился в 2010–2012 гг., затем значительно уменьшился в 2021 г. Динамика слоя действия, занятия, состояния и их последствий противоположна, отличается неуклонным ростом. Реакции данного слоя отражают позицию субъекта-человека и субъекта – самого счастья, охватывают экзистенциальную (*есть (13); жить (2); быть с тобой вдвоем (нервы); быть рядом; быть рядом с любимым*) собственно деятельностьную (физическую, чувственную, эмоциональную) смысловые линии – *труд (5); путешествие (2); путешествия; дружба; вместе (2); встреча (2); здоровье (5); любить (3); любит тишину (2); забыться; задышаться; пришло; не знаю*; а также линию поиска – обладания – потери – *искать; найти; нашла; обрести (2); взять; когда всё есть; не купить; не купишь; не потерять; терять; утеряно*. Слой ассоциаций увеличился, реализовав линию постепенного роста. В нем есть традиционные реакции, восходящие к паремиологическому фонду – *не в деньгах (4); в деньгах (2); мелочи (3)*; световые ассоциации – *искра (3); блеск; слепота; слезы*; а также реакции, связанные с представлениями о конечности и равновесии – *баланс (2); конец (2)*.

Когнитивная структура АП *счастье*, построенного по результатам АЭ 2021 г. с участием респондентов-подростков

Счастье [субъекты]: дети (3); мама (3); ребенок (2); собака (2); девушка; друзья; котенок; родной человек; родные; человек 16 г, 3,2%.

Счастье [объекты]: улыбка (24); деньги (7); успех (3); игрушка; лес; литература; мультяш; печенки; путешествия; сладости; химия; цветы; прикосновение; сок; сон; мелочь (2); улыбка и слезы; улыбки; ум 51 г, 10,2%.

Счастье проявляется в чем / что это [состояния, эмоции, отношения]: радость (66); любовь (28); горе (21); грусть (9); свобода (7); здоровье (5); благополучие (3); добро (3); несчастье (3); спокойствие (3); тепло (3); умиротворение (3); баланс (2); беда (2); боль (2); веселье (2); гармония (2); счастье (2); тишина (2); удача (2); удовольствие (2); беззаботность; настроение; недоступность; нежность; незнание; неизвестность; ненависть; окрыление; отдых; отчаяние; пустота; радость (воздух, свет), радость (улыбка; свет; слепота; смерть; смысл, совершенство; удовлетворение; честность; что-то светлое; чувства; чувство; эмоции 195 г, 39%.

Эмоции / чувства / состояния: радость (66); любовь (28); горе (21); грусть (9); свобода (7); несчастье (3); спокойствие (3); умиротворение (3); беда (2); веселье (2); гармония (2); счастье (2); удовольствие (2); беззаботность; нежность; незнание; неизвестность; ненависть; окрыление; отчаяние; радость (воздух, свет), радость (улыбка, свет 160 г, 32%.

Ощущения / свойства: здоровье (5); благополучие (3); добро (3); тепло (3); баланс (2); боль (2); тишина (2); удача (2); недоступность; отдых; пустота; слепота; смерть; смысл, совершенство; удовлетворение; честность; что-то светлое 32 г, 6,4%.

Общие эмоции / состояния: настроение; чувства; чувство; эмоции; что-то светлое 5 г, 1%.

Счастье где [пространство]: семья (43); в мелочах (6); рядом (5); сердце (3); везде (2); дом (2); мир (2); брак; берег; в близких; в кайфе; в пространстве; в семье; в сердце; выпускной; где-то; далеко от дома; душа; здесь; не за горами; небо; свадьба; у человека; шалаш; школа 81 г, 16%.

Счастье какое [характеристика]: желтый (4); мое (3); большое (2); огромное (2); простое (2); вечное; долгое, долгожданное; золотой; когда все есть; лучшее; маленькая; молодое; новый; свое; что-то светлое; яркое 25 г, 5%.

Счастье [оценка]: хорошо (5); нет (2); бесценно; дурость (что-то любимое); иллюзия; кайф; мнимо; нету; оно прекрасно; прекрасно; пустота; редкость; сложно; тлен 19 г, 3,8%.

Счастье когда / сколько [время / объем / предназначение]: всегда (3); жизнь (8); будущее; вечно; временно; время; год; мимолетно; много; много не бывает; момент; не всегда; редко; редкость 23 г, 4,6%.

Счастье что делать / от чего / в чем [действие / следствие действий, занятий]: есть (13); здоровье (5); труд (5); любить (3); вместе (2); встреча (2); жить (2); любит тишину (2); обрести (2); путешествие (2); быть рядом; быть рядом с любимым; взять; дружба; забыть; задыхаться; искать; когда все есть; быть с тобой вдвоем (нервы); найти; нашла; не знаю; не купить; не купишь; не потерять; пришло; путешествия; терять; утеряно 57 г, 11,4%.

Счастье [ассоциации]: не в деньгах (4); в деньгах (2); искра (3); мелочи (3); баланс (2); конец (2); блеск; ран; слезы; слепота 20 г, 4%.

Отказы 6 г, 1,2%.

Таблица 1

**Когнитивная структура
ассоциативного поля СЧАСТЬЕ в сопоставлении**

КС АП <i>Счастье</i>	Подростки			Студенты	
	2003–2004	2010–2012	2021	2010–2012	СИБАС
Субъекты	4 г, 0,8%	36 г, 9,9%	16 г, 3,2%	9 г, 1,9%	12 г, 2,4%
Объекты	30 г, 6%	65 г, 17,9%	51 г, 10,2%	82 г, 18%	41 г, 8,1%
Состояния, эмоции, отношения	309 г, 62%	125 г, 34,4%	195 г, 39%	222 г, 48%	194 г, 38,6%
Пространство	24 г, 4,8%	54 г, 14,9%	81 г, 16%	33 г, 7%	41 г, 8,1%
Характеристика	4 г, 0,8%	5 г, 1,4%	25 г, 5%	30 г, 6,4%	64 г, 12,7%
Оценка	28 г, 5,6%	13 г, 3,6%	19 г, 3,8%	17 г, 3,6%	25 г, 5%
Время / объем / ситуация / назначение	53 г, 10,6%	43 г, 11,6%	23 г, 4,6%	38 г, 8,2%	30 г, 6%
Действие	4 г, 0,8%	15 г, 4,1%	57 г, 11,4%	11 г, 2,4%	75 г, 15%
Ассоциации	3 г, 0,6%	8 г, 2,2%	20 г, 4%	12 г, 2,6%	14 г, 2,8%
Отказы	37 г, 7,4%	–	6 г, 1,2%	–	5 г, 1%

Таблица 2

**Частотные реакции
ассоциативного поля СЧАСТЬЕ в сопоставлении**

АП <i>Счастье</i>	Подростки			Студенты	
	2003–2004	2010–2012	2021	2010–2012	СИБАС
Радость	184 г, 36,8%	47 г, 12,9%	66 г, 13,2%	107 г, 23%	77 г, 15,3%
Любовь	66 г, 13,2%	32 г, 8,8%	28 г, 5,6%	78 г, 16,8%	50 г, 10%
Деньги	10 г, 2%	43 г, 11,8%	7 г, 1,4%	4 г, 0,8%	4 г, 0,8%
Семья	16 г, 3,2%	34 г, 9,3%	43 г, 8,6%	21 г, 4,5%	12 г, 2,4%
Жизнь	43 г, 8,6%	28 г, 7,7%	8 г, 1,6%	33 г, 7%	11 г, 2,2%
Веселье	3 г, 0,6%	19 г, 5,2%	2 г, 0,4%	1 г, 0,2%	–
Кайф	12 г, 2,4%	3 г, 0,8%	1 г, 0,2% + в кайфе 1 г, 0,2%	1 г, 0,2% + в кайфе 1 г, 0,2%	–
Горе	26 г, 5,2%	4 г, 1,1%	21 г, 4,2%	–	8 г, 1,6%
Дети	1 г, 0,2%	12 г, 3,3%	3 г, 0,6%	7 г, 1,5%	4 г, 0,8%
Дом	1 г, 0,2%	11 г, 3%	2 г, 0,4%	8 г, 1,7%	3 г, 0,6%
Друзья	–	17 г, 4,7%	1 г, 0,2%	–	1 г, 0,2%
Судьба	–	14 г, 3,8%	–	1 г, 0,2%	1 г, 0,2%
Удача	11 г, 2,2%	6 г, 1,6%	2 г, 0,4%	–	13 г, 2,6%
Улыбка	4 г, 0,8%	–	24 г, 4,8%	15 г, 3,2%	10 г, 2%
Есть	–	–	13 г, 2,6%	1 г, 0,2%	51 г, 10%

**Распределение реакций
ассоциативного поля СЧАСТЬЕ в сопоставлении**

Время проведения	Ядро	Околоядерная часть	Периферия	Отказы
2002–2003	383 г, 76,6%, 11 лексем с раз- ной частотностью	23 г, 4,6%, 1 лексема с частотностью 3, 10 – с частотностью 2	60 г, 1,2%	37 г, 7,4%
2010–2012	317 г, 79,9%, 15 лексем с раз- ной частотностью	11 г, 7,4%: 5 лексем с частотностью 3, 6 лексем с частотностью 2	46 г, 12,7%	–
2020–2021	260 г, 52%, 17 лексем с раз- ной частотностью	105 г, 21%: 15 лексем с частотностью 3, 30 лексем с частотностью 2	129 г, 25,8%	6 г, 1,2%

Заключение

Трендовое исследование, проведенное в течение 17 лет с точным отслеживанием семантики слова через восемь-девять лет доказало свою эффективность для анализа абстрактного стимула с ценностно ориентированным значением.

Оно выявило изменение ядра ассоциативного поля (наиболее стереотипной части) по линии первоначального роста с 2002–2003 гг. от 76,6%, (ядро образовали 11 лексем с разными рангами частотности) до 79,9% в 2010–2012 гг. (15 лексем с разными рангами частотности), затем уменьшения до 52% в 2020–2021 гг. (17 лексем с разными рангами частотности). Показатель количества лексем в ядре постепенно возрастал, соответственно, изменялась их частотность, что само по себе также свидетельствует об уменьшении области стереотипа.

Пропорциональный рост ощутил в околоядерной части: количество лексем с частотностью 3 росло постоянно и значительно увеличилось от 2002 к 2021 г. – в 15 раз, количество лексем с частотностью 2 сначала уменьшилось, затем увеличилось в несколько раз (в 5 относительно показателя 2010–2012 гг. и в 3 относительно показателя 2002–2003 гг.).

Периферия поля неуклонно росла: относительно результатов САЭ 2002–2003 гг. ее процентный состав увеличился в 21 раз. Соотношение всех частей АП, составленного по результатам экс-

периментов 2020–2021 гг., показывает наиболее ощутимую динамику субъективной семантики стимула *счастье* (см. табл. 3). Значительный объем периферии АП 2020–2021 гг. заметен визуально.

Построение модели когнитивной структуры ассоциативного поля [Курганова, 2012; 2019] также оказалось полезным, показало относительную устойчивость когнитивных (смысловых) областей состава поля. Типы когнитивных слоев (смысловых областей) в составе АП не изменились: реакции были дифференцированы в каждом из трех случаев по девяти основным областям – субъекта, объекта, проявления через эмоциональные состояния, чувства, отношения; пространства, времени, качественной характеристики, оценки, ассоциации; действию, занятию и их следствиям.

Разное наполнение каждого слоя, стабильность / изменчивость качественного и количественного параметров – показатель линий, по которым формируется семантика стимула как достояние индивида. Стабильным в данном процессе является преобладание способа переживания абстрактного стимула через эмоциональные состояния, чувства, отношения. Не случайно соответствующий когнитивный слой значительно превышает остальные по величине и разнообразию состава в ассоциативных полях разных лет. Но и в нем намечились изменения: объем слоя в 2002–2003 гг. составлял максимальную величину (62% от общего состава АП), в 2010–2012 гг. он уменьшился почти в 2 раза до 34,4%, к 2020–2021 гг. незначительно вырос, достигнув 39%, при этом разнообразие реакций в нем увеличилось. Данная линия тренда связана с процессами уменьшения частотности ряда лексем, передающих чувства и эмоции, с одной стороны, увеличения числа реакций, передающих объекты, пространственную интерпретацию стимула, действия и их последствия, ассоциации – с другой. Соответственно, способ речевого действия – реагирование на стимул (слово абстрактной семантики, связанное с общечеловеческими ценностями) преимущественно словами той же части речи, абстрактными по значению (*счастье – радость, любовь, жизнь* и пр.), в том числе оппозитом *горе*, сохраняет свою актуальность как в части стереотипа (наиболее частотные реакции ядра), так и в части единичных реакций.

Рост объема когнитивного слоя объектов был плавным. Состав слоя имеет стабильную зону в виде традиционно частотных реакций *улыбка, успех, деньги*. Динамичную расширяющуюся часть составляют реакции, связанные с разными актуальными для подростков смысловыми областями – едой, оценками, развлечениями, а также с областями, которые важны взрослым – путешест-

вия, прикосновения, ум. Линия тренда в данной части субъективного значения формируется именно этим расширением. Похожие тенденции заметны в слое субъектов.

Плавным увеличением характеризуется слой пространственной интерпретации стимула. В 2010–2012 гг. актуальность реакций такого типа возросла в 3 раза, в 2021 г. – в 3,2 раза. При этом смысловые области пространства сходны в АП разных лет – физическое, социальное пространства, внутреннее пространство человека. Линия тренда состоит в расширении слоя за счет появления новых реакций в рамках обозначенных областей.

Процессы в слое характеристик связаны с наличием стабильной части в виде признаков размера, новизны, времени ожидания, появления признаков отношения к личности говорящего, цвета. Оценочное переживание стимула становилось менее актуальным. Линия плавно шла вниз, затем стабилизировалась. Реагирование на стимул реакциями с семантикой времени, длительности сначала незначительно увеличилось, затем резко пошло на убыль за счет потери широты реагирования и сохранения актуальности соотношения стимула с *жизнью* и постоянством (*всегда*). В ассоциативном слое стабильны интертекстуальные реакции *не в деньгах, в деньгах*.

Линии тренда компонентов «облачного сервиса» – опор, с помощью которых интерпретируется стимул, имеют свою специфику (см. табл. 2). Наиболее частотная реакция *радость*, не теряя статуса в ядре поля, стала менее актуальной для респондентов-подростков в 3 раза. Плавное снижение актуальности претерпела реакция *любовь*. Реакция *семья* сначала повысила актуальность в 3 раза, затем незначительно снизила ее, но осталась на линии роста. Реакция *жизнь* сначала ненамного снизила частотность, а к 2021 г. стала менее актуальной для респондентов в 5 раз. Про реакцию *деньги* уже упоминалось выше. За резким скачком ее значимости для участников экспериментов в 2010–2012 гг. последовал такой же спад. Жаргонная реакция *кайф* была актуальной у подростков в 2002–2003 гг. Постепенно она стала менее актуальной и перешла в разряд единичных. В АЭ 2010–2012 гг. был своего рода всплеск жаргонного реагирования – в качестве единичных были зафиксированы реакции *клево, суперское, классное*. В АЭ 2020–2021 гг. этих реакций нет.

Эксперименты показывают разницу линий изменения субъективной семантики лексемы *счастье*, несходство темпов динамики разных фрагментов, тенденции подвижности стабильных частей.

Список литературы

- Бакирова Г.А.* Вербализация концепта «счастье» в татарском и английском языках: на примере благожеланий : дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2011. – 247 с.
- Богданова М.А.* Идея счастья и способы ее актуализации: на материале русского и французского языков : дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 255 с.
- Бутакова Л.О.* Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. – Омск : Вариант-Омск, 2012. – 128 с.
- Бутакова Л.О.* Самопрезентация пожилого возраста в режиме социально-коммуникативных и смысловых характеристик определенной возрастной группы // Этнопсихоллингвистика. – Москва : ИНИОН. РАН, 2019. – № 2. – URL: <https://epl-inion.org/article.php?id=33>
- Бутакова Л.О.* Старость как концептуальный феномен: региональный и возрастной аспекты ассоциативной семантики // Psycholinguistics. Series Philology. – Переславль-Залесский, 2018а. – № 23(2). – С. 25–39. – URL: <https://psycholing-journal.com/index.php/journal/issue/view/5>
- Бутакова Л.О.* Старый – молодой – дед: динамика субъективной семантики слова // Филологический класс. – 2018б. – № 2(52). – С. 95–102. – DOI: 10.26710/fk18-02-16. – URL: <https://filclass.ru/archive/2018/2-52/staryj-molodoj-ded-dinamika-subektivnoj-semantiki-slova>
- Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Орлова Н.В.* Проект «Региональное языковое сознание: возрастной аспект» // Вопросы психоллингвистики. – 2018. – № 2 (36). – С. 146–168. – URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/180707_vpl
- Воркачев С.Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 47–58.
- Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. – Москва : Гнозис, 2004. – 236 с.
- Галерея ассоциативных портретов. – Уфа : УГАТУ, 2009. – 448 с.
- Голубева О.В.* Теория эвиденциальности выводного знания : дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2016. – 345 с.
- Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартянов А.О.* Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов (ССШ) : в 2 т. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. – Т. 1 : От стимула к реакции. – 500 с.
- Горошко Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Москва : Ин-т языкознания РАН ; Харьков : Каравелла, 2001. – 320 с.
- Государство – общество – личность: способы речевого взаимодействия. – Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2019. – 184 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42559182>
- Гречко Е.В.* Когнитивно-семантическое моделирование образов счастья в дискурсе различных жанровых реализаций (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004. – 237 с.
- Гуц Е.Н.* Ассоциативный словарь подростка. – Омск : Вариант-Сибирь, 2004. – 156 с.
- Гуц Е.Н.* Психоллингвистическое исследование языкового сознания подростка. – Омск : Вариант-Омск, 2005. – 260 с.
- Гуц Е.Н., Худякова Н.О.* Обусловленность выбора методик психоллингвистического эксперимента возрастными особенностями реципиентов // Этнопсихоллингвистика. – 2019. – № 2. – С. 176–187. – URL: <https://epl-inion.org/article.php?id=32>

- Залевская А.А.* Значение слова через призму эксперимента. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2011. – 240 с.
- Залевская А.А.* Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. – Тверь : ТГУ, 2014. – 222 с.
- Залевская А.А.* Языковое сознание и описательная модель языка // *Методология современной психолингвистики.* – Москва ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 35–49.
- Касаткина Т.Ю.* Специфика развития значения слова в геронтогенезе : дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2007. – 192 с.
- Королева Н.Н., Цейтлин С.Н., Проект Ю.Л.* Когнитивное и речевое развитие ребенка в условиях современного российского общества // *Universum : Вестник Герценовского университета.* – 2013. – № 4. – С. 91–98.
- Курганова Н.И.* Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // *Вопросы психолингвистики.* – 2019. – № 3(41). – С. 24–38.
- Курганова Н.И.* Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова : дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2012. – 401 с.
- Ле Минь Нгок.* Особенности языковой репрезентации русского концепта «счастье»: с позиции носителя вьетнамской культуры : дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2011. – 236 с.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – Москва ; Санкт-Петербург : Смысл : Лань, 2003. – 288 с.
- Лукашевич Е.В.* Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. – Москва ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 234 с.
- Методология современной психолингвистики.* – М. ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.
- Методология современного языкознания / отв. ред. К.С. Карданова-Бирюкова.* – Москва : Р. Валент, 2021. – Вып. 1. – 276 с.
- Методология современного языкознания: Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация / отв. ред. А.Г. Сонин.* – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – Вып. 2. – 200 с.
- Мяжкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова. – Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000. – 112 с.
- Петренко Е.Ф.* Основы психосемантики. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 480 с.
- Пицальникова В.А.* История и теория психолингвистики. – Москва : Р. Валент, 2021. – 488 с.
- Пицальникова В.А.* Общее языкознание. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 240 с.
- Пицальникова В.А., Сонин А.Г.* Общее языкознание. – Москва : Р. Валент, 2017. – 480 с.
- Ассоциативный эксперимент : теоретические и прикладные перспективы психолингвистики : монография / Пицальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., Панарина Н.С., Степкин Н.И., Хлопова А.И., Шевченко С.Н. ; под ред. В.А. Пицальниковой.* – Москва : Р. Валент, 2019. – 200 с.
- Рогожникова Т.М.* Ассоциативный эксперимент с испытуемыми преклонного возраста // *Галерея ассоциативных портретов / Рогожникова Т.М. и др.* – Уфа : УГАТУ, 2009. – С. 53–56.

- Родзевич Б. Система ценностей в языковом сознании поляков // И вновь продолжается бой : сб. науч. ст., посв. юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск, 2010. – С. 222–227.
- Рудакова А.В., Стернин И.А. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 1 (27). – С. 194–208.
- Русакова И.Б. Концепты «счастье-несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2007. – 202 с.
- СИБАС = Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2018) / авторы-сост. И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. – URL: <http://adictu.nsu.ru>
- Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.
- Стернин И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 3 (45). – С. 110–126.
- Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – Москва : ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.
- Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 102–111.
- Concepts of happiness across time and cultures / Oishi S., Graham J., Kesebir S., Galinha I.C. // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2013. – N 39. – P. 559–577. – URL: <https://doi.org/10.1177/0146167213480042>
- Phillips J., Misenheimer L., Knobe J. The ordinary concept of HAPPINESS (and others like it). Forthcoming in Emotion Review // Emotion Review. – 2011. – N 3(3). – P. 320–322. – DOI: 10.1177/1754073911402385. – URL: https://www.researchgate.net/publication/241646929_The_Ordinary_Concept_of_Happiness_and_Others_Like_It
- Yang F., Knobe J., Dunham Y. Happiness is from the soul: Nature and origins of our happiness concept // Journal of Experimental Psychology: General. – 2020. – URL: <https://philarchive.org/archive/YANHIF>

References¹

- Bakirova, G.A. (2011). *Verbalizatsiya kontsepta «schast'ye» v tatarskom i angliyskom yazykakh: na primere blagozhelaniy* [Verbalization of the concept «happiness» in the Tatar and English languages: on the example of goodwill]. Unpublished doctoral dissertation. Kazan.
- Bogdanova, M.A. (2010). *Ideya schast'ya i sposoby yeye aktualizatsii: na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov* [The idea of happiness and ways of its actualization: on the material of the Russian and French languages]. Unpublished doctoral dissertation. Volgograd.

---

¹ Здесь и далее библиографические записи в разделе References оформлены в соответствии со стилем «American Psychological Association» (APA) 6th edition.

- Butakova, L.O. (2012). *Materialy k assotsiativno-semanticheskomu slovaryu zhitel'ev goroda Omska* [Materials for the associative-semantic dictionary of the inhabitants of the city of Omsk]. Omsk: Variant-Omsk.
- Butakova, L.O. (2019). Samoprezentatsiya pozhilogo vozrasta v rezhime sotsial'no-kommunikativnykh i smyslovnykh kharakteristik opredelennoy vozrastnoy gruppy [Self-presentation of the elderly in the mode of socio-communicative and semantic characteristics of a certain age group]. *Ethnopsycholinguistics*, 2, 188–204.
- Butakova, L.O. (2018a). Starost' kak kontseptual'nyy fenomen: regional'nyy i vozrastnoy aspekty assotsiativnoy semantiki [Old age as a conceptual phenomenon: regional and age aspects of associative semantics]. *Psycholinguistics. Series: Philology*, 23(2), 25–39. Retrieved from: <https://psycholing-journal.com/index.php/journal/issue/view/5>
- Butakova, L.O. (2018b). Staryy – molodoy – ded: dinamika sub"yektivnoy semantiki slova [ld – young – grandfather: dynamics of the subjective semantics of the word]. *Philological class*, 2(52), 95–102. DOI: 10.26710/fk18-02-16. Retrieved from: <https://filclass.ru/archive/2018/2-52/staryj-molodoj-ded-dinamika-sub-ektivnoj-semantiki-slova>
- Butakova, L.O., Guts, Ye.N., Orlova, N.V. (2018). Proyekt «Regional'noye yazykovoye soznaniye: vozrastnoy aspekt» [Project «Regional linguistic consciousness: the age aspect»]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2(36), 146–168. Retrieved from: https://iling-ran.ru/web/ru/news/180707_vp1
- Vorkachev, S.G. (2001). Kontsept schast'ya: ponyatiynnyy i obraznyy komponenty [Concept of happiness: conceptual and figurative components]. *Izvestiya RAN. Ser. literaturny i yazyka*, 60(6), 47–58.
- Vorkachev, S.G. (2004). *Schast'ye kak lingvokul'turnyy kontsept*. [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow: Gnozis.
- Galereya assotsiativnykh portretov [Gallery of associative portraits]. (2009). Ufa : UGATU.
- Golubeva, O.V. (2016). *Teoriya evidentsial'nosti vyvodnogo znaniya* [The theory of evidentiality of inference knowledge]. Unpublished doctoral dissertation. Tver.
- Gol'din, V.Ye., Sdobnova, A.P., Mart'yanov, A.O. (2011). *Russkiy assotsiativnyy slovar': assotsiativnyye reaktsii shkol'nikov I–XI klassov (ARSCHE)* [Russian Associative Dictionary: Associative Reactions of Schoolchildren of the I–XI Classes]. Vol. I: Ot stimula k reaktsii [From the stimulus to the reaction]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta.
- Goroshko, Ye.I. (2001). *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta* [An integrative model of a free associative experiment]. Moscow, Kharkov: In-t yazykoznaneya RAN; Karavella.
- Gosudarstvo – obshchestvo – lichnost': sposoby rechevogo vzaimodeystviya* [State – society – personality: ways of speech interaction]. (2019). Omsk: Omsk. gos. ped. un-t. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42559182>
- Grechko, Ye.V. (2004). *Kognitivno-semanticheskoye modelirovaniye obrazov schast'ya v diskurse razlichnykh zhanrovnykh realizatsiy (na materiale russkogo yazyka)* [Cognitive-semantic modeling of images of happiness in the discourse of various genre realizations (based on the material of the Russian language)]. Unpublished doctoral dissertation. Omsk.
- Guts, Ye.N. (2004). *Assotsiativnyy slovar' podrostka* [Associative dictionary of a teenager]. Omsk: Variant-Sibir'.
- Guts, Ye.N. (2005). *Psikholingvisticheskoye issledovaniye yazykovogo soznaniya podrostka* [Psycholinguistic study of the language consciousness of a teenager]. Omsk: Variant-Omsk.

- Guts, Ye.N., Khudyakova, N.O. (2019). Obuslovennost' vybora metodik psikholingvisticheskogo eksperimenta vozrastnymi osobennostyami retsipiyentov [Conditionality of the choice of methods of psycholinguistic experiment by the age characteristics of the recipients]. *Ethnopsycholinguistics*, 2, 176–187.
- Zalevskaya, A.A. (2011). *Znachenije slova cherez prizmu eksperimenta [The meaning of the word through the prism of the experiment]*. Tver: Tverskoy gos. universitet.
- Zalevskaya, A.A. (2014). *Interfeysnaya teoriya znacheniya slova: psikholingvisticheskiy podkhod [Interface theory of the meaning of the word: psycholinguistic approach]*. Tver: TGU.
- Zalevskaya, A.A. (2003). Yazykovoye soznaniye i opisatel'naya model' yazyka [Linguistic consciousness and the descriptive model of language]. In: *Metodologiya sovremennoy psikholingvistiki [Methodology of modern psycholinguistics]* (pp. 35–49). Moscow; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.
- Kasatkina, T.Yu. (2007). *Spetsifika razvitiya znacheniya slova v gerontogeneze [Specificity of the development of the meaning of the word in gerontogenesis]*. Unpublished doctoral dissertation. Izhevsk.
- Koroleva, N.N., Tseytlin, S.N., Proyekt, Yu.L. (2013). Kognitivnoye i rechevoye razvitiye rebenka v usloviyakh sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Cognitive and speech development of a child in the conditions of modern Russian society]. Universum: *Vestnik Gertsenovskogo universiteta [Universum: Bulletin of Herzen University]*, 4, 91–98.
- Kurganova, N.I. (2019). Assotsiativnyy eksperiment kak metod issledovaniya znacheniya zhidogo slova [Associative experiment as a method for studying the meaning of a living word]. *Voprosy psikholingvistiki [Questions of psycholinguistics]*, 3(41), 24–38.
- Kurganova, N.I. (2012). *Rol' i mesto smyslovogo polya pri modelirovanii strukturnykh i operatsional'nykh parametrov znacheniya slova [The role and place of the semantic field in modeling the structural and operational parameters of the word meaning]*. Unpublished doctoral dissertation. Tver.
- Le Min' Ngok. (2011). *Osobennosti yazykovoy reprezentatsii russkogo kontsepta «schast'ye»: s pozitsii nositelya v'yetnamskoy kul'tury [Features of the linguistic representation of the Russian concept of «happiness»: from the perspective of a bearer of Vietnamese culture]* Unpublished doctoral dissertation. Moscow.
- Leont'yev, A.A. (2003). *Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]*. Moscow, Saint-Petersburg: Smysl; Lan.
- Lukashevich, Ye.V. (2002). *Kognitivnaya semantika: evolyutsionno-prognosticheskiy aspekt. [Cognitive semantics: evolutionary and prognostic aspect]*. Moscow; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.
- Metodologiya sovremennoy psikholingvistiki* (2003). [Methodology of modern psycholinguistics]. Moscow; Barnaul: Izd-vo Alt. un-t.
- Metodologiya sovremennogo yazykoznanija [Methodology of modern linguistics]* (2021). Vol. 3. Moscow: R. Valent.
- Metodologiya sovremennogo yazykoznanija: Porozhdeniye i ponimaniye rechi. Znachenije i smysl. Virtual'naya kommunikatsiya [Methodology of modern linguistics: Generation and understanding of speech. Meaning and meaning. Virtual communication]* (2016). Vol. 2. Moscow: LENAND.

- Myagkova, Ye.Yu. (2000). *Emotsional'no-chuvstvennyy komponent znacheniya slova. Kursk [Emotional-sensory component of the meaning of the word]*. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. ped. un-ta.
- Petrenko, Ye.F. (2005). *Osnovy psikhosemantiki [Basics of psychosemantics]*. 2-ye izd., dop. Saint-Petersburg: Piter, 2005.
- Pishchalnikova, V.A. (2001). *Obshcheye yazykoznanie [General Linguistics]*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.
- Pishchalnikova, V.A. (2021). *Istoriya i teoriya psikholingvistiki [History and theory of psycholinguistics]*. Moscow: R. Valent.
- Pishchalnikova, V.A., Sonin, A.G. (2017). *Obshcheye yazykoznanie [General linguistics]*. Moscow: R. Valent.
- Pishchal'nikova, V.A., Kardanova-Biryukova, K.S., Panarina, N.S., Stepykin, N.I., Khlopova, A.I., Shevchenko, S.N. (2019). *Assotsiativnyy eksperiment: teoreticheskiye i prikladnyye perspektivy psikholingvistiki [Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics]*. Pod red. V.A. Pishchal'nikovoy. Moscow: R. Valent.
- Rogozhnikova, T.M. (2009). *Assotsiativnyy eksperiment s ispytuyemyimi preklonnoogo vozrasta [Association experiment with elderly subjects]*. Rogozhnikova, T.M. et al. (eds.) *Galereya assotsiativnykh portretov [Gallery of associative portraits]*. Ufa: UGATU.
- Rodzevich, B. (2010). *Sistema tsennostey v yazykovom soznanii polyakov [The system of values in the linguistic consciousness of Poles]*. In: *I vnov' prodolzhayetsya boy [And the battle continues again]* (pp. 222–227). Magnitogorsk.
- Rudakova, A.V., Sternin, I.A. (2016). *Psikholingvisticheskiy eksperiment i opisaniye semantiki slova. Voprosy psikholingvistiki [Questions of psycholinguistics]*, 1(27), 194–208.
- Rusakova, I.B. (2007). *Kontsepty «shast'ye – neschast'ye» v lingvokul'turnom sodержanii russkikh poslovits [Concepts «happiness – unhappiness» in the linguocultural content of Russian proverbs]*. Unpublished doctoral dissertation. Moscow.
- (SIBAS) Shaposhnikova, I.V., Romanenko, A.A. (eds.) (2008–2018) *Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh [Russian regional associative database]*. Retrieved from: URL: <http://adictru.nsu.ru>
- Sternin, I.A., Rudakova, A.V. (2011). *Psikholingvisticheskoye znacheniye slova i yego opisaniye. Teoreticheskiye problem [Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems]*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing.
- Sternin, I.A. (2020). *Problemy interpretatsii rezul'tatov assotsiativnykh eksperimentov [Problems of interpretation of the results of associative experiments]*. *Voprosy psikholingvistiki [Questions of psycholinguistics]*, 3(45), 110–126.
- Tarasov, Ye.F. (2000). *Aktual'nyye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Actual problems of the analysis of language consciousness]*. In: Ufimtseva, N.V. (ed.) *Yazykovoye soznaniye i obraz mira [Linguistic consciousness and the image of the world]* (pp. 24–32). Moscow: IYA RAN.
- Ufimtseva, N.V. (2003). *Yazykovoye soznaniye kak otobrazheniye etnosotsiokul'turnoy real'nosti [Language consciousness as a reflection of ethnosociocultural reality]*. *Voprosy psikholingvistiki [Questions of psycholinguistics]*, 1, 102–111.

- Oishi, S., Graham, J., Kesebir, S., Galinha, I.C. (2013). Concepts of happiness across time and cultures. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 39, 559–577. <https://doi.org/10.1177/0146167213480042>
- Phillips, J., Misenheimer, L., Knobe, J. (2011). The ordinary concept of HAPPINESS (and others like it). Forthcoming in *Emotion Review*. *Emotion Review*, 3(3), 320–322. DOI: 10.1177/1754073911402385. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/241646929_The_Ordinary_Concept_of_Happiness_and_Others_Like_It
- Yang, F., Knobe, J., Dunham, Y. (2020). Happiness is from the soul: Nature and origins of our happiness concept., *Journal of Experimental Psychology: General*. Retrieved from: <https://philarchive.org/archive/YANHIF>

Хлопова А.И.

**Психологически актуальное содержание
базовой ценности Liebe (любовь)
в немецкой лингвокультуре***

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, chloпова_anna@mail.ru*

Аннотация. Целью исследования является установление психологически актуального содержания базовой ценности Liebe (любовь) в немецкой лингвокультуре. Исследование строится на последовательном сопоставлении данных лексикографических источников (включая этимологические данные) и данных свободного ассоциативного эксперимента. В качестве основного метода исследования используется свободный ассоциативный эксперимент, проведенный с носителями немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет. Полученные результаты показали, что понятие Liebe (любовь) актуально и значимо для носителей немецкой лингвокультуры и реализуется в разнообразных реакциях-представлениях, отражающих индивидуальный опыт респондентов. Актуальность данного понятия верифицируется с помощью данных обратного ассоциативного эксперимента. Было выявлено, что значение понятия Liebe (любовь), репрезентирующего одноименную базовую ценность, изменяется: актуальным становится соотношение любви с объектом любви. Liebe (любовь) объединяет для респондентов другие ценностные характеристики: доверие, верность, гармонию, внимание, нежность по отношению к другому человеку на основе общих ценностных интегративных признаков и имеет для респондентов положительную окраску.

---

* © Хлопова А.И., 2021

Ключевые слова: базовая ценность; психологически актуальное содержание; ассоциативный эксперимент; обратный ассоциативный эксперимент; немецкая лингвокультура.

Поступила: 23.08.2021

Принята к печати: 06.09.2021

Khlopova A.I.
Psychologically relevant content
of the basic value Liebe (love) in the German linguoculture*

*Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, khlopova_anna@mail.ru*

Abstract. In the article the author determines psychologically relevant content of the basic value Liebe (love) in the German linguoculture. The study compares the data of lexicographic sources (including etymological sources) with the findings of a free associative experiment. The analysis has shown that the concept Liebe (love) is relevant and significant for the representatives of the German linguoculture. It is featured in a variety of reactions-representations which reflect individual experiences of the respondents. The relevance of this concept is verified with the help of a reverse associative experiment. However, the meaning of the concept Liebe (love), representing the same basic value, is constantly changing: the correlation between love and the object of love becomes relevant. Liebe (love) unites other value characteristics for the respondents: trust, loyalty, harmony, attention, tenderness towards another person on the basis of common integrative characteristics. Moreover, it has a positive connotation for the respondents.

Keywords: basic value; psychologically relevant content; associative experiment; reverse associative experiment; German linguoculture.

Received: 23.08.2021

Accepted: 06.09.2021

---

* © Khlopova A.I., 2021

Введение

Прежде чем говорить о базовой ценности «любовь», необходимо понять, что такое базовая ценность и можно ли считать любовь базовой ценностью.

Сегодня исследованием базовых ценностей занимаются философы, социологи, антропологи, психологи, лингвисты. В связи с этим существует большое количество определений этого понятия. Немецкий исследователь ценностей Ф. Зауэр называет базовыми ценностями те, которые классифицируются как «постоянно важные» [Sauer, 2019, p. 110]. Они не имеют срока давности и входят во все существующие списки ценностей. Ценности связаны с амбициями и целями не одного конкретного человека, а определенной группы. Мы полагаем, что базовые ценности всегда культурно обусловлены, однако они могут совпадать в различных культурах. Базовые ценности можно также назвать «руководящими» ценностями ввиду того, что они определяются не только культурным влиянием, но и воспитанием. Они образуют своеобразную систему координат. Люди предпочитают поступать в соответствии со сложившейся в социуме и одобряемой ими системой ценностей, что определяет их социальный комфорт [Хлопова, 2018, с. 6]. Общепринятым положением является то, что ценности транслируются из поколения в поколение. В их основе лежат традиции, авто- и гетеростереотипы, существующие в обществе. Представления о том, что хорошо, а что плохо приобретаются в детстве и могут видоизменяться на основе приобретаемого опыта. Ценности могут конкурировать друг с другом, занимать разное положение в жизни конкретного человека в зависимости от определенной жизненной ситуации. Реализация базовых ценностей определяется уровнем образования носителя культуры, его родом занятия, доходом, социальным статусом, семейным положением и т.д. [Хлопова, 2018, с. 6].

Для нас важно, что базовые ценности находят обязательное словесное воплощение, поэтому содержание базовой ценности можно установить на основе исследования речевой деятельности человека. Для установления психологически актуального содержания базовой ценности *Liebe* (любовь) мы применяем свободный ассоциативный эксперимент.

Выбор для исследования именно этой ценности неслучаен.

Изначально нужно отметить, что обращение к *любви* как к базовой ценности спорно. Ученые полагают, что *любовь* – это эмоция, которая порождает определенные ценности, такие как *сочувствие*, *привязанность*, *щедрость*, *доверие* и т.д. [Sauer, 2019, p. 110]. В то

же время в качестве ценности ученые рассматривают *любовь к ближнему*. В связи с этим актуальным является вопрос, воспринимают ли немцы любовь в качестве ценности и какое актуальное содержание имеет любовь в современной немецкой лингвокультуре.

Методы

Для определения психологически актуального содержания базовой ценности *Liebe* (любовь), а также установления возможной динамики базовой ценности нами был проведен последовательный анализ, который включает в себя анализ данных лексикографических источников (включая этимологические данные), анализ данных свободного ассоциативного эксперимента, а также верификацию полученных результатов при помощи обратного ассоциативного эксперимента.

Этимология слова Liebe (любовь)

В этимологическом словаре отмечено, что слово *Liebe* (любовь) появилось в языке в IX в. и означало «удовольствие, которое человек испытывает к кому-то или чему-то; состояние любви, радость, наличие любви, дружелюбие, благосклонность» (*das Wohlgefallen, das man über oder durch etw. empfindet, das Liebsein, Freude, das Liebhaben, Freundlichkeit, Gunst*). Это чувство привязанности, милосердие (*Gefühl der Zuneigung, Barmherzigkeit, Mildtätigkeit*) [Pfeifer].

Соответственно, в семантическое поле *Liebe* на основе данных этимологического словаря должны входить следующие компоненты: *Wohlgefallen* (удовольствие), *Liebsein* (состояние любви), *Freude* (радость), *Liebhaben* (наличие любви), *Freundlichkeit* (дружелюбие), *Gunst* (благосклонность), *Zuneigung* (привязанность), *Barmherzigkeit* (милосердие), *Mildtätigkeit* (милосердие).

Семантическое поле Liebe (любовь) на основе данных толковых словарей

Основным значением слова *Liebe* (любовь), представленным в толковом словаре немецкого языка eDWG 1969 г. [*Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*], является значение *starkes Gefühl*

der Zuneigung (сильное чувство привязанности). В словаре отмечено, что это чувство можно испытывать как к человеку, так и к определенной вещи и идее. Следующими значениями в словаре являются Barmherzigkeit, Mildtätigkeit (милосердие); Gefälligkeit, Freundlichkeit (любезность, дружелюбие); Person, der jmds. starkes Gefühl der Zuneigung zuteilwird (человек, к которому испытывают сильное чувство привязанности); brennende Liebe (пылающая любовь). Последние значения отмечены в словаре как разговорные. Отметим, что по сравнению со значениями этимологического словаря, в толковом словаре чувство любви представлено также в качестве определенного образа, объекта любви.

В современном толковом словаре Duden [DUDEN] для слова Liebe (любовь) представлены семь значений, основным из которых будет значение «starkes Gefühl des Hingezogeneins; starke, im Gefühl begründete Zuneigung zu einem nahestehenden Menschen» (сильное чувство влечения; сильная эмоциональная привязанность к близкому человеку). Это значение совпадает с ядерными значениями, представленными как в этимологическом словаре, так и в словаре eDWG. Второе значение в словаре Duden близко по значению первому «auf starker körperlicher, geistiger, seelischer Anziehung beruhende Bindung an einen bestimmten Menschen, verbunden mit dem Wunsch nach Zusammensein, Hingabe o. Ä.» (связь с определенным человеком, основанная на сильном физическом, умственном, эмоциональном влечении, в сочетании с желанием быть вместе, преданностью и т.п.). Третье значение не представлено ни в словаре eDWG, ни в этимологическом словаре «sexueller Kontakt, Verkehr» (половой контакт, половой акт). В качестве значения, представленного в словаре eDWG и Duden, но не представленного в этимологическом словаре, выступает значение «Gefälligkeit, freundschaftlicher Dienst» «вежливость, вежливое обслуживание». Значение, не указанное в этимологическом словаре, но представленное в словаре eDWG, «geliebter Mensch» (любимый человек), также дано в словаре Duden. При этом отметим, что в словаре Duden отсутствует значение «Barmherzigkeit, Mildtätigkeit» «милосердие», которое представлено в качестве ядерного в этимологическом словаре и в словаре eDWG.

В толковом словаре Wahrig [Wahrig, 2011] первым значением, как и в указанных выше словарях, является значение «starke Zuneigung, starkes Gefühl des Hingezogeneins, enge Gefühlsbindung» «сильная привязанность, сильное чувство влечения, сильная эмоциональная связь». Следующее значение отсутствует в этимологи-

ческом словаре и словаре eDWG, однако указано в словаре Duden: «starke, geschlechtsgebundene, enge Gefühlsbeziehung» (сильные, половые отношения, близкие эмоциональные отношения). В словарях eDWG, Duden, Wahrig отмечено значение «Gefälligkeit, Freundlichkeit» (любезность, дружелюбие). Значение «heftiger Drang, heftiges Verlang, Streben nach etwas» (сильное желание, стремление к чему-то), т.е. чувство любви к чему-то неодушевленному или абстрактному, представлено также в словаре eDWG.

Для верификации компонентов семантического поля, смоделированного на основе толковых словарей немецкого языка (рис. 1), обратимся к синонимам слова Liebe (любовь): Verliebtheit (увлечение), Innigkeit (близость), Hingabe (преданность), Hingebung (преданность), Leidenschaft (страсть), Verbundenheit (связь), Hingezogenheit (влечение), Hinneigung (привязанность), Zuneigung (привязанность), Feuereifer (пыл), Liebesgefühl (чувство любви), Einheit (единство), Einssein (единство) [DUDEN, 2014].

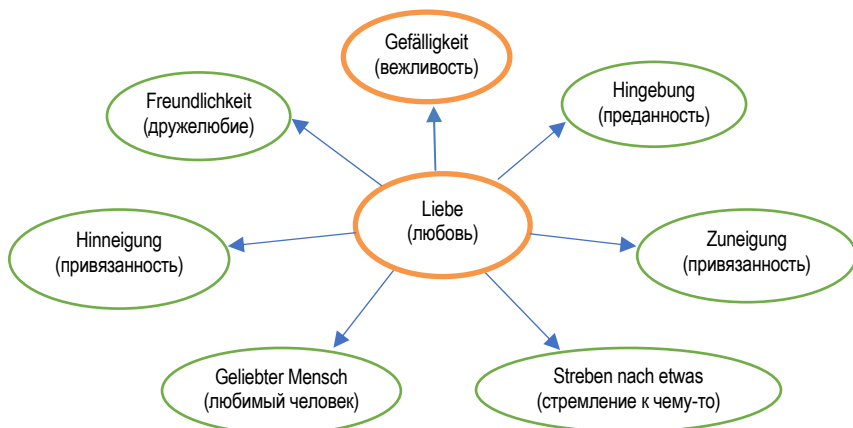

Рис. 1. Семантическое поле Liebe (любовь)

На основе данных этимологического словаря, словарных статей и синонимов слова Liebe (любовь) выделим те компоненты, которые будут входить в семантическое поле исследуемой лексики: Gefälligkeit (вежливость), Freundlichkeit (дружелюбие), Hingebung (преданность), Hinneigung (привязанность), Zuneigung (привязанность), geliebter Mensch (любимый человек), Streben nach etwas (стремление к чему-то). Отметим, что, хотя значение «Varm-

herzigkeit, Mildtätigkeit» (милосердие) представлено в этимологическом словаре и словаре eDWG, в двух современных толковых словарях и словаре синонимов оно не указано. В качестве промежуточного результата мы можем предположить, что значение «любовь к ближнему, милосердие», которое представлено в ряде ценностей, становится для носителей языка не актуальным и само слово *Liebe* (любовь) меняет свое значение. Однако такое предположение требует верификации с помощью данных свободного ассоциативного эксперимента.

*Ассоциативное поле Liebe (любовь)
на основе данных ассоциативного эксперимента*

Свободный ассоциативный эксперимент был проведен нами в городах Фехта, Потсдам, Баден-Баден, Фрайбург. В исследовании приняли участие 200 человек в возрасте 17–23 лет (56 мужчин, 144 женщины). На слово-стимул *Liebe* последовало 200 уникальных реакций, которые мы разделим в соответствии с методикой исследования на реакции-понятия, реакции-представления, эмоционально-оценочные реакции, культурные и формальные реакции. Такая модель ассоциативного значения была предложена В.А. Пищальниковой [Пищальникова, 2007, с. 154]. В предыдущих исследованиях нами было установлено, что происходит актуализация, как правило, первых четырех признаков, однако возможно также выделение признака, указывающего на культурные связи с определенной реалией [Хлопова, 2019]. В представленных признаках выделим также дополнительные. Основанием для выделения таких признаков является семантический инвариант. Полученные реакции представлены ниже.

Понятийные реакции должны соответствовать ядру значения слова (см. рис. 1), смоделированному на основе данных одноязычных словарей, однако в случае ценности *Liebe* (любовь) они связаны устойчивой метонимической связью, которая может указывать на неотделимость отмеченных реакций и исследуемого слова. В понятийных реакциях актуализируются следующие инвариантные признаки *Liebe* (любовь): ‘стабильность, уверенность’; ‘состояние любви’; ‘виды любви’; ‘отношения’; ‘половые отношения’; ‘негативное проявление любви’; ‘нестабильность’.

Реакции-понятия (всего 39 реакций)

Значение	Реакции (перевод)	Всего реакций
Стабильность, уверенность	<i>Vertrauen / доверие (13), Zufriedenheit / удовлетворение (2), Geborgenheit / безопасность, Harmonie / гармония, Ruhe / спокойствие, Sicherheit / уверенность</i>	19
Состояние любви	<i>Glück / счастье (9), Freude / радость, Wärme vom Partner / тепло от партнера, Zärtlichkeit / нежность</i>	12
Виды любви	<i>Leidenschaft / страсть, Zuneigung / симпатия</i>	2
Отношения	<i>Beziehung / отношение, Beziehungen / отношения</i>	2
Интимные отношения	<i>Sex / секс (2)</i>	2
Негативное проявление любви	<i>Eifersucht / ревность</i>	1
Нестабильность	<i>Unstabilität / нестабильность</i>	1

Реакции, относящиеся к признаку ‘стабильность, уверенность’ интегрируются значением *спокойное, уверенное состояние* в отношении партнера, которые свидетельствуют о гармонично развивающихся отношениях и о спокойном, не тревожном состоянии респондентов. В качестве противопоставления в эксперименте выявлена единичная реакция, указывающая на нестабильные, неспокойные отношения – *Unstabilität* (нестабильность). Реакции, объединенные признаком ‘состояние любви’, отражают те чувства респондентов, которые они испытывают по отношению к партнеру или возникают при взаимодействии с партнером. В признаке ‘виды любви’ объединены реакции, представляющие собой наименьшую степень любовного состояния (*Zuneigung* – симпатия) и наивысшую степень (*Leidenschaft* – страсть). Единичная реакция «*Eifersucht* – ревность) указывает на негативное проявление любовного чувства из-за недостатка внимания, любви от партнера. Остальные реакции указывают на метонимическую связь любви и отношений между партнерами, также половые.

Наибольшее количество реакций составили реакции-представления. Это, бесспорно, свидетельствует о том, что понятие *Liebe* (любовь) является актуальным для носителей немецкой

лингвокультуры. Оно часто возникает в ассоциативных связях респондентов и реализуется в определенных, связанных с индивидуальным опытом, образах.

Таблица 2

Реакции-представления (всего 111 реакций)

Значение	Реакции (перевод)	Всего реакций
Объект любви: – партнерские отношения	<i>Freund / друг (17), Partner / партнер (17), Partnerschaft / партнерские отношения (15), Freundin / подруга (13), Frauen / женщины, zweiseitig / взаимный, Gleichberechtigung / равноправие, Mensch / человек, Pärchen / парочка</i>	67
– семейные отношения	<i>Familie / семья (38), Eltern / родители, Mama / мама</i>	40
– семья и дружба	<i>Familie und Freunde / семья и друзья</i>	1
Проявление любви	<i>für einander einstehe(n) / ручаться друг за друга, geliebt zu werden / быть любимым</i>	2
Время любви	<i>warten / ждать, Zeit / время</i>	2

Среди представлений можно выделить инвариантные признаки: ‘объект любви’, ‘проявление любви’, ‘время любви’. Реакции, соответствующие инвариантному признаку ‘объект любви’ можно условно поделить на два вида: ‘партнерские отношения’ и ‘семейные отношения. Признак ‘семья и дружба’ выделен отдельно ввиду синкретичности единичной реакции «Familie und Freunde» (семья и друзья). Отметим попутно, что реакций-представлений, указывающих на ‘партнерские отношения’, почти в 2 раза больше, чем реакций, связанных с ‘семейными отношениями’. В качестве объекта любви респонденты видят преимущественно партнера, однако семейные отношения также значимы для опрошенной группы респондентов. Таким образом, любовь имеет конкретную реализацию и связана с конкретными образами.

Любовь проявляется для респондентов в ответственном отношении друг к другу и ответных чувствах любимого.

Реакции, объединенные инвариантным признаком ‘время любви’ можно трактовать различно, и данная интерпретация требует уточнения в ходе беседы с респондентами. Реакция «warten»

(ждать) связана с ожиданием настоящей любви. Существует мнение, что настоящую любовь невозможно найти, она появится в определенное время и в определенный час, поэтому ее следует ждать. Реакция «Zeit» (время) может быть связана с периодом существования любви. С одной стороны, респондент мог связывать любовь с коротким периодом ее бытования, с другой – это может быть метафорическое название весны, которую связывают с любовью.

Таблица 3

Эмоционально-оценочные реакции (всего 12 реакций)

Значение	Реакции (перевод)	Всего реакций
Положительные реакции	<i>schön / красиво (2), wichtig / важно (2), wundervoll / чудесный (2), bedingungslos / безоговорочно, froh / радостный, relevant / релевантно, süß / сладкий, toll / классно</i>	11
Отрицательные реакции	<i>Problem / проблема</i>	1

Эмоционально-оценочные реакции преимущественно положительные, что подтверждает идею о том, что любовь является базовой ценностью, вызывающей положительные эмоции. По сути ценности – это те же понятия, как и другие. Однако в ценностях преобладает аксиологический аспект, т.е. оценка.

Частотными на слово-стимул Liebe выступают культурные реакции: Herz / сердце (40), Gott / Бог (1) – всего 41 реакция.

Отметим, что культурные реакции часто связаны с языковой картиной мира носителей определенной лингвокультуры. Используя в речи слова, носитель, не осознавая принимает определенный взгляд на систематизацию мира. Так, для немца эмоциональное хранится прежде всего в сердце, а рациональное – в голове [Пищальникова, Сонин, 2017]. Такое деление отражается также в символике. Типичным символом любви является красное сердце.

Реакция «Gott» (Бог) однозначно связана с фразой из 1-го послания Иоанна «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» [1-е послание Иоанна 4:16]. Если считать такую реакцию осознанной, то это единичная реакция, которая может указывать на изначальное значение понятия «любовь – милосердное отношение к окружающим, терпение, добро, правда».

Формальные реакции связаны с исследуемым словом лишь формальной связью. На слово-стимул Liebe были получены следующие формальные реакции: Gefühl (чувство), gegenüber (по отношению), leben (жить) – всего три реакции.

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод, что ядерными инвариантными признаками, выделенными на основе всего корпуса реакций, являются: ‘объект любви’, который, в свою очередь, делится на ‘партнерские отношения’ (67 реакций) и ‘семейные отношения’ (40 реакций); ‘стабильность, уверенность’ (19 реакций), ‘состояние любви’ (12 реакций), а также отдельно выделенные культурные и эмоциональные реакции.

В качестве компонентов ассоциативного поля Liebe (любовь) выделим (рис. 2): Herz – сердце (40), Freund – друг (17), Partner – партнер (17), Partnerschaft – партнерские отношения (15), Freundin – подруга (13), Vertrauen – доверие (13). Компоненты ассоциативного поля могут свидетельствовать о том, что Liebe (любовь) связана с национальной спецификой немецкой лингвокультуры и проявляется для респондентов в конкретных образах и доверительном отношении между партнерами.

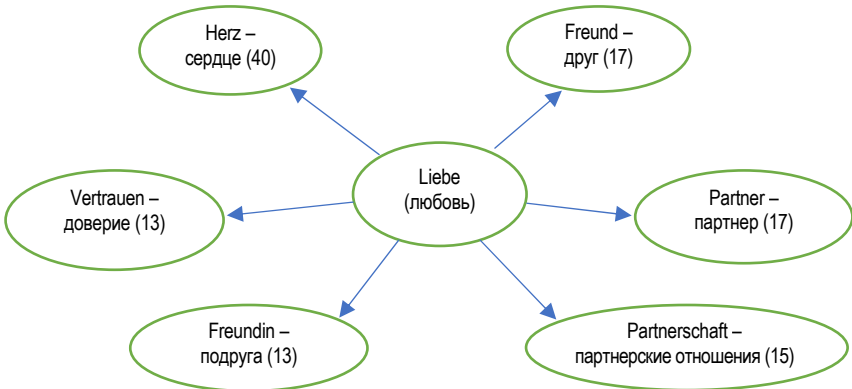

Рис. 2. Ассоциативное поле Liebe (любовь) – данные свободного ассоциативного эксперимента (САЭ)

Сопоставляя семантическое поле, смоделированное на основе лексикографических источников (рис. 1), с ассоциативным полем (рис. 2), отметим, что данные не совпадают. Единственным совпадающим компонентом можно назвать компонент семантического

поля «geliebter Mensch» (любимый человек) и инвариантный признак 'объект любви'. Представленное в этимологическом словаре значение «Barmherzigkeit, Mildtätigkeit» (милосердие) не актуально для опрошенных респондентов и реализуется только в единичной реакции. В предыдущих исследованиях нами было отмечено, что большинство испытуемых хотя и знает значение слова *милосердие*, но оно не включено в их картину мира в качестве базовой ценности [Пищальникова, Хлопова, 2019]. В связи с этим полученный в ходе данного исследования вывод представляется логичным.

Верифицируем полученные выводы с помощью обратного ассоциативного эксперимента.

*Ассоциативное поле Liebe (любовь)
на основе данных обратного ассоциативного эксперимента*

Обратный ассоциативный эксперимент проводился с теми же респондентами – носителями немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет. В качестве слов-стимулов респондентам были даны частотные реакции, полученные в прямом ассоциативном эксперименте, а также слова-дистракторы. В ходе эксперимента было важно установить частотность реакции *Liebe* на указанные слова-стимулы. В результате были получены следующие данные (цифра в скобках указывает на количество реакции *Liebe* на приведенные слова-стимулы): Vertrauen / доверие (38), Treue / верность (36), Freundschaft / дружба (31), Harmonie / гармония (30), Glück / счастье (27), Eltern / родители (25), Familie / семья (25), Aufmerksamkeit / внимание (10), Freude / радость (1), Mitleid / сострадание (1).

Распределим полученные данные в соответствии с избранной моделью значения и выделим инвариантные признаки (табл. 4–5).

Таблица 4

Реакции-понятия (всего 143 реакции)

Значение	Реакции (перевод)	Всего реакций
Стабильность, уверенность	<i>Vertrauen / доверие (38), Treue / верность (36), Harmonie / гармония (30), Aufmerksamkeit / внимание (10)</i>	114
Состояние любви	<i>Glück / счастье (27), Freude / радость (1)</i>	28
Любовь к ближнему	<i>Mitleid / сострадание (1)</i>	1

Реакции-представления (всего 101 реакция)

Значение	Реакции (перевод)	Всего реакций
Объект любви: – партнерские отношения	<i>Freund(in) / друг (подруга) (31), Partner / партнер (20)</i>	51
– семейные отношения	<i>Familie / семья (25), Eltern / родители (25)</i>	50

Частотность последовавшей на слова-стимулы реакции Liebe, установленная в обратном ассоциативном эксперименте, может верифицировать предположение об актуальности лексемы для носителей языка, на устойчивые ассоциативные связи, которые существуют у респондентов между стимулом и реакцией.

Отметим, что инвариантные признаки, выделенные в обратном ассоциативном эксперименте, совпадают с интегративными признаками, выделенными в прямом ассоциативном эксперименте, хотя количественно они отличаются (рис. 3). Соответственно, сети ассоциативных полей базовых ценностей: Liebe (любовь), Vertrauen (доверие), Treue (верность), Freundschaft (дружба), Harmonie (гармония), Glück (счастье), Eltern (родители), Familie (семья), Aufmerksamkeit (внимание), Freude (радость), Mitleid (сострадание) связаны по выделенным интегративным признакам.

Рис. 3. Сопоставление данных прямого и обратного ассоциативных экспериментов

Наиболее четко в прямом ассоциативном эксперименте представлен признак ‘партнерские отношения’ (34%), а в обратном – ‘стабильность, уверенность’ (47%), признаки ‘состояние любви’ и ‘семейные отношения’ в процентном соотношении примерно равны. Единичной реакцией, выделенной в обратном ассоциативном

эксперименте, является реакция «Mitleid» (сострадание), связанная с этимологическим значением понятия «Liebe» (любовь) – «Nächstenliebe» (любовь к ближнему).

Заключение

На основе проведенного исследования и последовательного моделирования семантического и ассоциативного полей и их верификации было выявлено расхождение в составе компонентов семантического (рис. 1) и ассоциативного (рис. 2) полей.

Содержание понятия «Liebe» (любовь) меняется. Актуальным становится соотношение *любви и объекта любви*, к которому можно испытывать различные чувства, получая от него ответные. Благодаря этому опрошенные респонденты ощущают состояние спокойствия и уверенности в партнере и своем собственном положении. Важность для респондентов стабильных отношений подтверждается данными обратного ассоциативного эксперимента.

На основе данных прямого и обратного ассоциативных экспериментов можно также отметить, что само понятие «Liebe» (любовь) актуально и значимо для носителей немецкой лингвокультуры, что доказывает большое количество реакций-представлений, а также реакции «Liebe» на другие слова-стимулы, представляющие одноименные базовые ценности. Кроме того, результаты обратного ассоциативного эксперимента свидетельствуют об устойчивой ассоциативной связи у респондентов между стимулами и реакциями. «Liebe» (любовь) объединяет для респондентов другие ценностные характеристики: доверие, верность, гармонию, внимание, нежность по отношению к другому человеку на основе общих ценностных интегративных признаков, имеет для респондентов положительную окраску и может входить в разряд ценностей.

Список литературы

1-е послание Иоанна 4:16–1 Ин 4:16. – URL: <https://bible.by/verse/48/4/16/> (дата обращения: 11.11.2020).

Пицальникова В.А. История и теория психолингвистики : в 3-х ч. – Москва : МГЛУ, 2007. – Ч. 2 : Энопсихолингвистика. – 227 с.

Пицальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. – Москва : Р. Валент, 2017. – 480 с.

- Пицальникова В.А., Хлопова А.И. Экспериментальные методики верификации данных ассоциативного поля // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – Москва : РЕМА, 2019. – № 4(820). – С. 38–51. – URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/4_820.pdf (дата обращения: 14.10.2020).
- Хлопова А.И. Ассоциативный эксперимент как метод установления изменения коннотации базовой ценности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – 2019. – Т. 9, № 1(30). – С. 80–85.
- Хлопова А.И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей : дисс. ... канд. филол. наук. – Москва : МГЛУ, 2018. – 213 с.
- DUDEN. Das Synonymwörterbuch. – Berlin : Dudenverlag, 2014. – 1136 S.
- DUDEN. Universalwörterbuch. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Universalwoerterbuch> (access 19.09.2020).
- Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – URL: <https://www.dwds.de/d/zum-gedenken-an-wolfgang-pfeifer> (mode of access:11.11.2020).
- Sauer F.H. Das große Buch der Werte. Enzyklopädie der Wertvorstellungen. – Köln ; Hürth : INTUISTIK-Verlag, 2019. – 600 S.
- Wahrig-Burfeind R. WAHRIG Deutsches Wörterbuch. 9. Auflage. – Brockhaus, 2011. – 1730 S.
- Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – 1969. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Liebe#etymwb-1> (11.11.2020).

References

- 1-e poslanie Ioanna 4:16–1 In 4:16. Retrieved from: <https://bible.by/verse/48/4/16/>
- Pishchalnikova, V.A. (2007). *Istoriya i teoriya psiholingvistiki*. Part 2: Etnopsihologivistika. Moscow: MGLU.
- Pishchalnikova, V.A., Sonin, A.G. (2017). *Obshchee yazykoznanie*. Moscow: R. Valent.
- Pishchalnikova, V.A., Klopova, A.I. (2019). Eksperimental'nye metodiki verifikacii dannyh associativnogo polya. Tekst : elektronnyj. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 4(820), 38–51. Retrieved from: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/4_820.pdf
- Khlopova, A.I. (2018). *Verbnaya diagnostika dinamiki bazovyh cennostej*. Unpublished doctoral dissertation. Moscow.
- Khlopova, A.I. (2019). Associativnyj eksperiment kak metod ustanovleniya izmeneniya konnotacii bazovoj cennosti. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 9, 1(30), 80–85.
- DUDEN (2014). *Das Synonymwörterbuch*. Berlin: Dudenverlag.
- DUDEN. Universalwörterbuch. Retrieved from: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Universalwoerterbuch>
- Pfeifer, W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Retrieved from: <https://www.dwds.de/d/zum-gedenken-an-wolfgang-pfeifer>
- Sauer F.H. (2019). Das große Buch der Werte. Enzyklopädie der Wertvorstellungen. – Köln ; Hürth : INTUISTIK-Verlag, 2019. – 600 S.
- Wahrig-Burfeind R. (2011). *WAHRIG Deutsches Wörterbuch*. 9. Auflage. Brockhaus.
- Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* (1969). Retrieved from: <https://www.dwds.de/wb/Liebe#etymwb-1>

Буданова А.А.

**Метафора как средство осмысления и вербализации
кризисных межличностных отношений
в современной англоязычной культуре***

*НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, aabudanova_1@edu.hse.ru*

Аннотация. В статье описывается метафорический ландшафт деструктивных межличностных отношений в современном англоязычном дискурсе, устанавливаются основные метафорические модели, концептуализирующие данный феномен, и определяется степень их частотности. Литературной базой данного исследования послужили 16 личных мемуаров, на страницах которых были отобраны 58 репрезентативных примеров метафор.

Ключевые слова: метафора; метафорология; метафорический ландшафт; субъективный опыт; деструктивные отношения; психология.

Поступила: 22.06.2021

Принята к печати: 06.09.2021

---

* © Буданова А.А., 2021

Budanova A.A.

Metaphor as a means of conceptualizing of problematic interpersonal relations in modern English-speaking culture*

*The National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia, aabudanova_1@edu.hse.ru*

Abstract. The article describes metaphorical landscape of destructive interpersonal relations in modern English-language discourse, establishes the main metaphorical models that conceptualize this phenomenon, and determines the degree of their frequency. Sixteen personal memoirs, in which 58 representative examples of metaphors were selected, constitute the empirical base of this study.

Keywords: metaphor; metaphor studies; metaphorical landscape; subjective experience; destructive relationships; psychology.

Received: 22.06.2021

Accepted: 06.09.2021

**Межличностные отношения
как объект исследования**

Межличностные отношения представляют собой многогранный, динамически развивающийся социо-психологический феномен, который, в силу всеобъемлемости своей природы, является предметом научного интереса целого ряда специалистов. Вместе с тем, согласно гуманистической модели личности А. Маслоу, межличностные отношения являются одним из основных показателей целостности личности, а качество отношений напрямую влияет на удовлетворение потребности в самоактуализации [Maslow, 1954, p. 166], что привлекает интерес к данному исследованию более широкой аудитории.

Межличностные отношения – это неотъемлемая часть субъективного опыта каждого индивида. Определение субъективного опыта менялось на протяжении времени. Изначально под субъективным опытом понималась информация, полученная индивидом при непо-

---

* © Budanova A.A., 2021

средственном взаимодействии с внешним миром [Gray, 1995, p. 660], однако со временем внешний раздражитель перестал быть обязательной составляющей – теперь под субъективным опытом подразумевается информация, полученная в том числе и из внутреннего мира субъекта, – телесные ощущения, мысленные образы, внутренняя речь и т.д. [Richardson, 1999, p. 969]. Таким образом, субъективный опыт – это посредник между «внутренней психической реальностью» и «внешней (физической) реальностью» [Winnicott, 1967, p. 372].

В начале XXI в. понятия «субъективность» и «объективность» стали подвергаться серьезной критике: поскольку объективная реальность познается через призму субъективизма, можно утверждать, что получение объективных данных о мире невозможно [Davidson, 2001, p. 42]. При этом формирование субъективного опыта напрямую зависит от внешней среды, в которой происходило восприятие отдельного объекта реальности, т.е. от объективных факторов воздействия [Davidson, 2001, p. 20–21]. Вышеописанный парадокс ставит под вопрос саму научную обоснованность объективности, что заставляет сделать значимое замечание: в данном исследовании изучаются не столько деструктивные межличностные отношения, сколько субъективное восприятие данного феномена и его вербализация в современном англоязычном дискурсе.

Под межличностными отношениями понимается взаимосвязь между людьми, в основе которой лежат разнообразные эмоциональные состояния [Verengarten, 1952, p. 1219]. Данная взаимосвязь проявляется в таких аспектах совместной деятельности, как принятие общих решений и урегулирование конфликтов [Gottman, Markman, Notarius, 1977, p. 462], а также характеризуется высоким уровнем субъективизма, так как отношения начинаются с восприятия других под влиянием восприятия самого себя [Riecken, 1960, p. 481]. Помимо вышеупомянутых взаимодействия и взаимовосприятия, межличностные отношения характеризуются взаимопониманием. В рамках данного исследования также важен факт динамичности межличностных отношений: они зарождаются, развиваются, достигают пика, а затем обычно постепенно ослабевают [Huston, Lvinger, 1978, p. 133]. Таким образом, можно выделить следующие основные характеристики межличностных отношений: 1) эмоциональность; 2) взаимовосприятие; 3) взаимодействие; 4) взаимопонимание; 5) субъективность; 6) динамичность.

Существует целый ряд классификаций межличностных отношений. С.В. Духновский отмечает, что «на сегодняшний день в психологии нет общепринятой и разделяемой всеми учеными <...> классификации межличностных отношений» [Духновский, 2009, с. 13]. Так, межличностные отношения можно разделить на следующие виды: формальные и неформальные [Eisenstadt, Roniger, 1984, p. 6]; сильные и слабые [Granovetter, 1973, p. 1361]; отношения знакомства, приятельские, товарищеские, дружеские, любовные, супружеские, родственные и деструктивные отношения [Обозов, 1979] и т.д. Относительно новое направление в классификации межличностных отношений – это гендерная классификация, в основе которой лежит дифференциация отношений в сфере межполового воздействия [Клецина, 2004, с. 8], где межличностные отношения изучаются как на уровне отдельно взятых индивидов, так и на уровне всего социума. В рамках данного исследования рассматриваются исключительно деструктивные межличностные отношения субъектов разных полов, находящихся в романтических или супружеских отношениях.

Следует отметить, что существуют основополагающие различия между русским и западноевропейским взглядами на межличностные отношения и гендерные отношения, в частности. В западных странах такие социокультурные явления, как поздние браки, принцип нуклеарной семьи, высокий уровень безбрачия, нейтральное, а порой и позитивное отношение к разводам считаются нормой [Свечкарева, 2005, с. 95–97]. Все большую популярность получает термин «серийная моногамность» [Ильин, 2019, с. 44]. В России межличностные отношения традиционно находятся под влиянием православной этики: безбрачие даже в XIX в. считалось преступлением, публичное выражение недовольства супругом или супругой порицалось («не выноси сор из избы»), развод и повторный брак были недопустимы. Таким образом, англоязычные авторы, по сравнению с русскоязычными, более открыты к диалогу на тему семейных проблем, что делает современную англоязычную литературу более перспективным источником метафор, вербализующих субъективный опыт деструктивных межличностных отношений, которые характеризуются дисгармонией в отношениях и выступают базисом для развития межличностного кризиса [Духновский, 2009, с. 38].

Вербализация опыта межличностных отношений

Субъективный опыт межличностных отношений, как абстрактный и трудно поддающийся описанию концепт, может эффективно вербализовываться в форме метафоры [Sperber, Wilson, 2008]. До XX в. метафоре отводилась роль «дополнительной проблемы в философии языка»: ее функционал ограничивался добавлением экспрессивности, носящей оценочно-описательный характер [Lakoff, Johnson, 1980, p. 453]. Дж. Лакофф и М. Джонсон сформировали иной взгляд на метафору. В рамках теории концептуальной метафоры метафоризация – это метафорическая проекция (metaphorical mapping), переносящая некоторые характеристики домена источника (source domain) на домен цели (target domain). Доменом источника выступает некий феномен, понятие или конкретный объект, свойства которого четко осознаются индивидом; в то время как домен цели – это чаще всего более абстрактное и трудноописуемое понятие [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25].

Стоит отметить, что зачастую один и тот же феномен может быть описан с помощью разных концептуальных метафор. К примеру, эмоциональное состояние после разрыва отношений может осмысляться в категориях выздоровления или починки и являться метафорической проекцией концептов «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО БОЛЕЗНЬ» и «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО ПОЛОМКА», соответственно:

(1) *Now that you know what not to do, we can move on to the healthy actions you can and should take to heal yourself from heartbreak* (Labossiere, 2019).

(2) *In life, too, even greater brilliance can be found after the mending* (Harper, 2020).

Теория преднамеренной метафоры, дополняя теорию концептуальной метафоры, комбинирует ее с языковой моделью: все так же подчеркивается метафоричная природа мышления, однако метафора используется в дискурсе эксплицитно: «в качестве метафоры», «как метафора для», «метафорически говоря», «используя метафору» – привычные дискурсивные маркеры преднамеренной метафоры. Таким образом, преднамеренная метафора открыто называет домен источника и приглашает адресата взглянуть на домен цели под другим углом [Steen, 2011, p. 86]. Так, стадии бракоразводного процесса могут эксплицитно сравниваться со стадиями восприятия смерти близкого человека (отрицанием, злостью, торгом, депрессией и принятием):

(3) *The emotional levels one needs to work through during and following divorce are very much parallel to the stages one goes through at the time of death. At first, there is a denial of the events that have taken place and a consequent feeling of wanting to isolate oneself from the whole situation. Then anger, wherein one blames someone else for one's predicament. The third level is bargaining; a kind of situation in which one wants to look at the ledger to see that things are equal. This is often manifest in the custody of children and property settlements at the time of divorce. Then comes a period of depression, which is where much self-hatred, self-blame, and feelings of failure are present. Finally, after all of this, one comes to acceptance of the situation and acceptance of the self. Out of this comes hope for what can happen* (Fisher, Alberti, 2016).

Методика исследования

В настоящем исследовании представлена сетка метафорических проекций, составляющих модель метафорического ландшафта деструктивных межличностных отношений в современном английском дискурсе. Под метафорическим ландшафтом понимается «психоактивный мир, возникающий внутри и вокруг клиента» [Lawley, Tompkins, 2011, p. 4] – совокупность всех метафор, служащих способом выражения того или иного концепта. Метафорический ландшафт подвижен, он состоит из ключевых и периферийных элементов, которые могут менять свое положение на разных этапах развития общества или жизни индивида. На базе современных мемуаров были выделены ключевые метафорические модели деструктивных отношений как войны, болезни и боли, природного явления, эмоциональной перезагрузки, путешествия, поломки, замкнутого пространства и средства передвижения.

Метафорический анализ строится на основе современных англоязычных мемуаров¹. Выбор предмета исследования определяется характерными чертами данного жанра литературы. Мемуар – это художественное повествование, основанное на личном опыте, наблюдениях и воспоминаниях автора. Мемуары базируются не столько на фактах из биографии, сколько на личных переживаниях автора и на его видении событий, что делает данную литературу благодатной почвой для исследования метафор в силу красочности и вырази-

---

¹ Список источников, иллюстрирующих вербализацию опыта, представлен в конце статьи.

тельности повествования. Более того, изменчивость языка как социокультурного явления и необходимость обозначения временного интервала, которому должны соответствовать отбираемые литературные источники, также обосновывает выбор предмета исследования. Данная селекция позволит, при повторном исследовании через некоторый промежуток времени, сопоставить результаты и выявить тенденции развития языка, изменения метафорического ландшафта, культурные сдвиги в обществе. Нами были отобраны 16 личных мемуаров (датированных периодом с 2005 по 2020 г.), из которых удалось выделить 58 репрезентативных примеров метафоры.

Результаты исследования

Одной из самых распространенных метафорических проекций кризисных межличностных отношений является когнитивная модель «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО ВОЙНА», схожая с моделью, описанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном «ЛЮБОВЬ – ЭТО ВОЙНА» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 82]. Однако, вопреки ожиданиям, в рамках данной концепции война ведется не столько между полами, сколько против внешних обстоятельств, самого кризиса в отношениях, который зачастую описывается как череда сражений, а эмоциональные травмы представляются как телесные ранения, которые кровоточат на ранних стадиях и оставляют шрамы и кровоподтеки на всю жизнь:

(4) *So even though you are clearly wounded, getting out of this broken relationship is the best thing possible, even if you didn't know it was broken until now* (Behrendt, Ruotola-Behrendt, 2005).

(5) *The scar will serve as a reminder of what you were able to overcome and the battles you've won* (Labossiere, 2019).

Особое место занимает персонификация: отношения можно «спасти», негативные эмоции и мысли могут представляться врагом, «держущим сердце в заложниках»:

(6) *We lose something we love and it seems natural to try to reconstruct it <...> hoping some part of what we've loved will still be salvageable* (Priebe, 2016).

(7) *Struggling with a disappointment so deep you may be afraid you'll disappear forever into the black hole that's now holding your heart hostage* (Kingma, 2018).

Когнитивные модели не существуют в изоляции и могут накладываться друг на друга. Так, кризисные отношения могут описываться в терминах холодной войны, пагубно влияющей на психику ребенка, которому затем приходится «исцеляться» (модель «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО ВОЙНА» сочетается с моделью «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО БОЛЕЗНЬ»):

(8) *Although it doesn't always heal the children's hurt or repair the psychological damage that the ongoing conflicts or bitter cold wars may have caused in the initial years, it does open up the possibility that the distress will not continue to escalate in the future* (Ahrns, 2009).

Метафорика боли и болезни чаще всего используется при описании разрыва отношений (расставания или развода) и восстановления после полученного опыта. Переживание кризиса в отношениях сопровождается болевыми ощущениями, схожими с телесными, которые, описываются как пульсирующая, колющая боль или даже перелом ребер:

(9) *There's nothing else to do to stop that pounding, piercing pain in your heart* (Kingma, 2018).

(10) *Being brokenhearted is like having broken ribs. On the outside it looks like nothing's wrong, but every breath hurts* (Behrendt, Ruotola-Behrendt, 2005).

В большинстве примеров период восстановления после деструктивных отношений описывается как «выздоровление», которое представляется англоязычными авторами как особо сложный процесс, порой требующий доступ к труднодоступным знаниям о том, как необходимо проводить «обряд» выздоровления:

(11) *I also know that you, like me, can and will heal from your heartbreak* (Labossiere, 2019).

(12) *Survivors of ended relationships haven't left us much of a trail as to how they made it through this painful rite of passage* (Kingma, 2018).

Особый интерес представляет преднамеренная хирургическая метафора, где развод представлен как операция, а процесс после него – выздоровление:

(13) *Divorce is a metaphorical surgery that affects all areas of life of the individual* (Fisher, Alberti, 2016).

(14) *An apt analogy would be that of the convalescence which occurs after any kind of surgery* (Fisher, Alberti, 2016).

Самыми выдающимися примерами лингвокреативности можно назвать сравнение расставания с ящиком Пандоры и аналогию между пауком и человеком, делящимся своими переживаниями в кризисных отношениях:

(15) *Once the lid popped off, I realized I had opened an excruciatingly painful Pandora's box of loss and grief* (Elliott, 2009).

(16) *Another reason why this type of situation is not healthy is because now you're involving someone else in your web of pain* (Labossiere, 2019).

Апогеем метафорики болезни является сравнение деструктивных отношений со смертью: физической или эмоциональной:

(17) *It's like a death, except that with a death you at least know for sure that the story is over: there's no going back* (Kingma, 2018).

В проанализированной англоязычной литературе боль от разрыва отношений часто представляется в виде природного ландшафта (бездны, долины), по которому человек скитается в поисках исцеления:

(18) *To do that, I had to go down into the abyss and face the pain* (Elliott, 2009).

(19) *Your healing lies in the most heartwrenching valleys of hurt* (Labossiere, 2019).

В рамках метафорической модели «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ» при описании эмоционального состояния субъекта отношений в период кризиса авторы часто прибегают к метафорике пустыни и связанным с ней концептом пустоты:

(20) *I wrote this book to give you the tools you can use to overcome the emotional wasteland of heartbreak and free yourself from its ties, just like I managed to do* (Labossiere, 2019).

(21) *She felt herself to be without love – it seemed a kind of incapacity, a hollowness within her* (Miller, 2020).

Водная стихия (воды, волны, цунами, снежные бури, шторма) доминирует при описании эмоционального пика в отношениях – разрыва деструктивных отношений, а также характеризует эмоции, переживаемые субъектом отношений:

(22) *I realized that the aches and pains I'd experienced in the past had been like a summer rain compared to a tsunami* (Piver, 2009).

(23) *The fears you feel when you first separate are like being in a blizzard. <...> You want to hide, find a lap to curl up in, and get away from the fearful storm* (Fisher, Alberti, 2016).

(24) *We all suspect that the ending of our relationship is going to take us into some deep emotional waters* (Kingma, 2018).

В англоязычной литературе особое место занимает позитивное представление о препятствиях как вызове, об их преодолении как способе личностного роста, согласно которому кризис в отношениях может служить эмоциональной перезагрузкой. Переплетение метафорических проекций природного явления и эмоциональной перезагрузки прослеживается в следующем примере, где автор подчеркивает, что кризис в отношениях «приводит нас в воды эмоций» и «призывает нас исследовать неизведанную местность души»:

(25) *A crisis, on the other hand, leads us into emotional waters where we feel in over our head, and it calls upon us to explore unfamiliar spiritual terrain* (Kingma, 2010).

Возвращаясь к тематике болезни, стоит отметить позитивные перемены в человеке, которые могут стать очевидными после травматичного опыта кризисных отношений («душа очищается и расширяется»). Таким образом, в рамках данного концепта, кризис рассматривается как «плодотворное время»:

(26) *This is the moment and these are precisely the experiences through which your emotional body is being healed, your soul is being refined and enlarged, and your life itself is taking on a new meaning* (Kingma, 2010).

(27) *As unbelievable as it may seem when you are in the throes of heartache, this can be a rich and fertile time when you are most open and ready to make your dreams come true* (Elliott, 2009).

Разрыв отношений может также переосмысляться посредством метафоры объектов материального мира («кнопки сброса», «катализатора», «приглашения к изменению», или «урока»), знаменующих переломный момент в жизни человека:

(28) *Even though it doesn't feel good, heartbreak is the best reset button for your life* (Labossiere, 2019).

(29) *Mine was a very devastating breakup that was the catalyst for the wonderful life I have now* (Elliott, 2009).

(30) *Suffering, therefore, is always an invitation to change* (Kingma, 2010).

(31) *Other times relationships are learning curves, preparing us for the 'real thing'. It can be very hard to determine between that which is the 'real thing' and that which is a 'lesson'* (Miller, 2019).

Концепт кризиса может персонафицироваться в некий живой объект, «зажигающий огонь» под субъектом отношений или «ставящий жизнь на паузу» и включающий «режим отшельника» (Hermit-mode), тем самым иницируя изменения в жизни человека:

(32) *Heartbreak lights a fire under you and pushes you to take the steps needed toward becoming a better version of yourself* (Labossiere, 2019).

(33) *It can put your entire life on pause, and make you seriously consider finding a cave in the woods, switching on Hermit-mode, and staying there until the robots rise up* (Dawson, 2014).

Концепт путешествия – один из самых распространенных доменов источника концептуальных метафор деструктивных отношений. Частотность метафоры «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ» может быть объяснена процессуальным характером как путешествия, так и отношений: оба явления имеют начало, определенные этапы развития и конечный «пункт назначения»:

(34) *While this book does not deal with that personal crisis in depth, we have long recognized that most of the rebuilding blocks do appear in the path widows and widowers must travel* (Fisher, Alberti, 2016).

Часто встречающееся наложение метафорических проекций – это комбинация метафоры пути и болезни, где восстановление после кризиса описывается как «путь исцеления» или «исцеляющее путешествие»:

(35) *On your personal path to healing, you must commit to doing the work it takes to process through any unresolved pain and hurt lingering from your past* (Labossiere, 2019).

Карта является неотъемлемым атрибутом любого путешествия. В рамках теории концептуальной метафоры карта функционирует в двух основных аспектах: она либо отображает этапы эмоционального восстановления после деструктивных отношений, либо иллюстрирует «известную местность», за границей которой лежит «терра инкогнита, морские змеи, Левиафан» – метафорические проекции эмоционального состояния беспомощности и неизвестности:

(36) *Late afternoons as the day wanes, in bed in the middle of the night, in spite of her efforts, she finds herself at the outer edge where, in the old maps, the world drops off, and beyond is terra incognita, sea serpents, the Leviathan – Here There Be Dragons (Alvarez, 2020).*

Процесс эмоционального восстановления может также осмысляться в качестве различной местности (тоннеля, долин, лабиринта), по которым скитается участник отношений:

(37) *It was as if I were wandering through a dark tunnel and couldn't see the way out (Rooks, 2013).*

(38) *Now I want to walk through some of those valleys with you (Rooks, 2013).*

(39) *Broken Heart on Hold is meant to be a friend to walk beside you through the labyrinths of your confusion and pain (Rooks, 2013).*

Психика человека или его сердце могут быть концептуализированы как хрупкий предмет, который разбивается под воздействием внешних факторов (расставания с любимым человеком, развода, ссор родителей, пережитых ребенком):

(40) *From childhood to now, I have been broken many times (Harper, 2020).*

(41) *During one of these breakups, he started going out with someone else and my heart shattered. Into. One. Million. Pieces (Piver, 2009).*

Кризис отношений может «развалить жизнь на части», заставляя участника отношений пытаться «реставрировать» ее:

(42) *When I asked her how she was, she said, «Fine. Aside from the fact that my entire life is falling apart» (Kingma, 2010).*

(43) *We want to regain control, to have life magically restored to the way it was before the crisis – before the divorce, before the crash in the stock market, before the flood, before losing the house to foreclosure (Kingma 2010).*

Креативный взгляд на деструктивные отношения проявляется в представлении субъектов данных отношений как партнеров, исполняющих «танец дисфункции» с теми людьми, кто соответствует им по уровню «сломленности»:

(44) *A person chooses a partner with a similar degree of «brokenness» and does a dance of dysfunction where they both know the steps (Elliott, 2009).*

Негативные эмоции и боль могут переосмысляться как замкнутое пространство, которое «запирает» участника отношений и заставляет его, метафорически выражаясь, «отскакивать от стен»,

а, достигнув пика эмоционального напряжения, человек «опускается на дно», т.е. впадает в депрессию от эмоционального истощения:

(45) *A certain level of introspection is needed to allow you to evolve and attain freedom in love, rather than being locked down by the toxicity of negative emotions* (Labossiere, 2019).

(46) *We've all seen people around us going through their endings (or we've even done it once or twice ourselves), and what we see are people in pain, bouncing off the walls emotionally and having to go through radical upheavals in their lives and circumstances* (Kingma, 2018).

(47) *You've hit rock bottom* (Labossiere, 2019).

Негативные эмоции участников отношений также вербализуются в виде пузыря, который «лопается» на пике кризиса отношений:

(48) *But the bubble burst shortly thereafter. All was not well at home* (Elliott, 2009).

Транспортная метафорика зачастую характеризует эмоциональное состояние участника кризисных отношений, которое характеризуется нестабильностью («эмоциональные американские горки»), высокой скоростью перемен («как автомобили на скоростной трассе в Индианаполисе») и неконтролируемостью («тормоза внезапно сдают на извилистой горной дороге»):

(49) *Going through a divorce can be one of the more challenging and traumatic life events you can face. It will take you on a rollercoaster of emotions and push you to your limits at times* (Bagley, 2018).

(50) *Some of these things happened one at a time, with little pauses in between; a lot of them came rolling down the pike one after another like cars at the Indianapolis Speedway* (Kingma, 2010).

(51) *Just as when the brakes suddenly go out on a winding mountain road, the problems you're facing now may seem to have come flying in out of nowhere* (Kingma, 2010).

Транспортное средство также может использоваться в качестве домена источника при описании отношений как таковых: креативная метафора брака, где данные отношения представляются как лошадь, которая своей смертью знаменует развод, представлена в следующем примере:

(52) *Truth be told, I rode that horse long after it had up and died and married someone else* (Behrendt, Ruotola-Behrendt, 2005).

В приведенной ниже преднамеренной метафоре транспортом выступают не сами отношения, а влюбленные, которые на этапе зарождения отношений «ехали бок об бок», однако затем перестали ехать с той же скоростью (начало кризиса в отношениях) и однажды разбились (пик кризиса отношений: развод, разрыв):

(53) *When you and your ex got into this relationship, you were two brand-new sports cars driving side by side. You were sleek, desirable, sexy, and confident, and the ride was exhilarating. After a while you zigged when he zagged, you weren't driving the same speed anymore, one of you was always trying to catch up, and eventually you crashed and totaled the cars. <...> For those of you who don't own cars, the translation of this metaphor is that you and your ex (or soon-to-be ex) no longer share the belief that the relationship is worth fixing* (Behrendt, Ruotola-Behrendt, 2005).

Некоторые авторы проводят аналогию между эмоциями, испытываемыми в кризисных отношениях, и диким зверем или монстром, тем самым подчеркивая неконтролируемость ситуации:

(54) *Taming the mind of heartbreak is just like taming a wild animal* (Piver, 2009).

(55) *Once we digest the fact that it really is happening and that it won't go away, we begin to bargain, to try to manage the unwieldy monster* (Kingma, 2010).

Особо креативными примерами служат сравнение развода и «нити в полотне общества»; аналогия между бывшим партнером и криптонитом; параллель, проводимая между кризисными отношениями и куриным пометом, который ни при каких условиях не станет куриным салатом:

(56) *It's like my Granny always said: «Even with all the mayonnaise in the world, you can't make chicken salad out of chicken shit». Feel free to apply that wisdom to your bad relationship* (Behrendt, Ruotola-Behrendt, 2005).

(57) *Divorce is now a familiar thread in the fabric of our society* (Kingma, 2018).

(58) *But for whatever reason, getting over this guy took forever. He was my kryptonite. And like Superman, I was powerless in his wake* (Behrendt, Ruotola-Behrendt, 2005).

Выводы

Одним из краеугольных камней изучения межличностных отношений является субъективный характер восприятия данного феномена, что усложняет его вербализацию и декодирование реципиентом полученной информации. За счет своей универсальности концептуальная метафора становится оптимальным средством вербализации подобных абстрактных понятий. Концептуальная метафора является одновременно и инструментом концептуализации и освоения нового знания, и методом формирования личностной, общественной и культурной картин мира, которые, в свою очередь, могут быть отражены в метафорическом ландшафте. Метафорический ландшафт деструктивных отношений представляет собой многоуровневое образование, в центре которого расположены восемь основных концептуальных моделей (деструктивные отношения как война / как болезнь и боль / как природное явление / как эмоциональная перезагрузка / как путешествие / как поломка / как замкнутое пространство / как средство передвижения). Однако существует целый ряд единичных метафор, которые составляют периферийный слой метафорического ландшафта деструктивных межличностных отношений, состоящий из следующих моделей: «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО КУРИНЫЙ ПОМЕТ», «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО ЗВЕРЬ», «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО НИТЬ» и др.

Данное многообразие концептуальных и преднамеренных метафор, вербализирующих субъективный опыт деструктивных отношений, свидетельствует об отсутствии единого концепта осмысления кризисных отношений. Данный факт также подчеркивает многогранность человеческого восприятия и сложность передачи субъективного опыта.

Таким образом, данное исследование подтверждает, что понятие «межличностные отношения» является благодатным полем деятельности для проведения лингвистического анализа, а полученные нами данные могут быть использованы лингвистами, филологами, социологами, психологами и психиатрами для дальнейших исследований или для решения практических задач (для составления опросов, статистики или в терапевтических целях).

Дальнейшие исследования могут быть нацелены на выявление лингвокультурных тенденций осмысления и вербализации субъективного опыта кризисных межличностных отношений путем анализа литературы прошлого века. Предполагается, что

метафорическая модель «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА» должна отсутствовать или занимать периферийное положение в английской литературе 1940–1960 гг., так как в то время кризис в отношениях, разрыв и развод рассматривались как исключительно негативные социальные явления. Помимо данной перспективы развития научных исследований можно предложить сравнительный анализ метафорических ландшафтов субъективного опыта деструктивных отношений в разных культурах, который может проводиться путем анализа неанглоязычных источников.

Список литературы

- Духновский С.В.* Диагностика межличностных отношений : психологический практикум. – Санкт-Петербург : Речь, 2009. – 141 с.
- Духновский С.В.* Психология отношений личности. – Курган : Из-во Курганского гос. ун-та, 2014. – 379 с.
- Ильин В.И.* Социальный серфинг как модель молодежного образа жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 1. – С. 28–48.
- Клецина И.С.* Психология гендерных отношений: теория и практика. – Санкт-Петербург : Алетей, 2004. – 408 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Обозов Н.Н.* Межличностные отношения. – Ленинград : 1979. – 151 с.
- Свечкарёва В.Р.* Дихотомия Запад–Восток в контексте брачной морали // Вестник АГТУ. – 2005. – № 5. – С. 95–97.
- Berengarten S.* The significance of interpersonal relationships // The American Journal of Nursing. – 1952. – Vol. 52, N 10. – P. 1219–1222.
- Davidson D.* Subjective, intersubjective, objective. – New York : Clarendon Press : Oxford University Press, 2001. – 255 p. – URL: [http://epistemh.pbworks.com/w/file/fetch/45787947/0198237529%20-%20Davidson,%20Donald%20\(2001](http://epistemh.pbworks.com/w/file/fetch/45787947/0198237529%20-%20Davidson,%20Donald%20(2001)
- Eisenstadt S.N., Roniger L.* Patrons, clients and friends: interpersonal relations and the structure of trust in society. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – 343 p.
- Gottman J., Markman H., Notarius C.* The topography of marital conflict: a sequential analysis of verbal and nonverbal behavior // Journal of Marriage and the Family. – 1977. – N 39(3). – P. 461–477.
- Granovetter M.S.* The strength of weak ties // American Journal of Sociology. – 1973. – N 78. – P. 1360–1380.
- Gray J.A.* The contents of consciousness: a neuropsychological conjecture // Behavioral and Brain Sciences. – 1995. – N 18(4). – P. 659–722.
- Huston T.L., Levinger G.* Interpersonal attraction and relationships // Annual Review of Psychology. – 1978. – N 29(1). – P. 115–156.

- Lakoff G., Johnson M.* Conceptual metaphor in everyday language // The Journal of Philosophy. – 1980. – N 77(8). – P. 453–486. – DOI: 10.2307/2025464
- Lawley J., Tompkins P.* Metaphor, the body and healing // The Capa Quarterly. – 2011. – N 1. – P. 20–25.
- Lawley J., Tompkins P.* Symbolic modelling; emergent change through metaphor and clean language / ed. by Hall L.M., Charvet S.R. // Innovations in NLP for challenging times. – Carmarthen Wales : Crown House Publishing, 2011. – P. 61–79.
- Maslow A.H.* Motivation and personality. – New York : Harper & Row Publishers, 1954. – 166 p.
- Richardson A.* Subjective experience: its conceptual status, method of investigation, and psychological significance // The Journal of Psychology. – 1999. – N 133(5). – P. 469–485.
- Riecken H.W.* Social psychology // Annual Review of Psychology. – 1960. – Vol. 11. – P. 481.
- Sperber D., Wilson D.* The Cambridge handbook of metaphor and thought. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 247 p.
- Steen G.J.* Deliberate metaphor affords conscious metaphorical cognition // Journal of Cognitive Semiotics. – 2011. – Vol. 5(1/2). – P. 179–197.
- Steen G.J.* The contemporary theory of metaphor – now new and improved! // Review of Cognitive Linguistics. – 2011. – N 9(1). – P. 26–64.
- Winnicott D.* Playing and reality. The location of cultural experience // International Journal of Psycho-Analysis. – 1967. – Vol. 48, Part 3. – P. 368–372.

Список источников примеров

- Ahrons C.* The Good Divorce. – HarperCollins, 2009. – 320 p.
- Alvarez J.* Afterlife. – Chapel Hill, NC : Algonquin Books, 2020. – 288 p.
- Bagley M.* Divorce: A Journey of Grief, Healing and Self Discovery (Divorce, Relationships, Self Help, Happiness, Grief, Healing). – 2018. – 15 p.
- Behrendt G., Ruotola-Behrendt A.* It's Called a Breakup Because It's Broken. – New York : Broadway Books, 2005. – 288 p.
- Dawson N.* No Breakup Can Break You: The Definitive Recovery Guide for Men. – 2014. – 98 p.
- Elliott S.J.* Getting Past Your Breakup: How to Turn a Devastating Loss into the Best Thing That Ever Happened to You. – Cambridge : Hachette Books, 2009. – 272 p.
- Fisher B., Alberti R.* Rebuilding (When Your Relationship Ends). – Oakland : New Harbinger Publications, 2016. – 328 p.
- Harper M.* The Beauty in Breaking. – London : Penguin Publishing Group, 2020. – 304 p.
- Kingma D.R.* Coming Apart. Mango Media. – Fine Communications, 2018. – 165 p.
- Kingma D.R.* The Ten Things to Do When Your Life Falls Apart: An Emotional and Spiritual Handbook. – Novato, CA : New World Library, 2010. – 240 p.
- Labossiere S.* Love After Heartbreak. Volume I. – Veenendaal : Highly Favored Publishing, 2019. – 200 p.
- Miller M.* Relationship Crisis: Solutions for couples with problems (Relationships Book 35). – 2019. – 240 p.

- Miller S. Monogamy. – Harper, 2020. – 271 p.
- Piver S. The Wisdom of a Broken Heart: An Uncommon Guide to Healing, Insight, and Love. – New York : Atria Books, 2009. – 240 p.
- Priebe H. This Is Me Letting You Go. – Thought Catalog Books, 2016. – 131 p.
- Rooks L. Broken Heart on Hold: Surviving Separation. – Colorado : David C Cook, 2013. – 192 p.

References

- Duhnovskij, S.V. (2009). *Diagnostika mezhlčnostnyh odnoszenij*. Saint-Petersburg: Rech.
- Duhnovskij, S.V. (2014). *Psihologija odnoszenij lčnosti*. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Iliin, V.I. (2019). Social'nyj serfing kak model' molodezhnogo obraza zhizni. *Monitoring obščhestvennogo mnenija: Ekonomičeskie i social'nye peremeny*, 1, 28–48.
- Klecina, I.S. (2004). *Psihologija gendernyh odnoszenij: teoriya i praktika*. Saint-Petersburg: Aletejya.
- Lakoff, Dj., Dzhonson, M. (2004). *Metaforj, kotorymi my živem*. Moscow: Editorial URSS.
- Obozov, N.N. (1979). *Mezhlčnostnye odnoszeniya*. Leningrad.
- Svechkareva, V.R. (2005). Dihotomiya Zapad-Vostok v kontekste brachnoj morali. *Vestnik AGTU*, 5, 95–97.
- Berengarten, S. (1952). The significance of interpersonal relationships. *The American Journal of Nursing*, 52(10), 1219–1222.
- Davidson, D. (2001). *Subjective, intersubjective, objective*. New York: Clarendon Press, Oxford University Press. – Retrieved from: [http://epistemh.pbworks.com/w/file/etch/45787947/0198237529%20-%20Davidson,%20Donald%20\(2001](http://epistemh.pbworks.com/w/file/etch/45787947/0198237529%20-%20Davidson,%20Donald%20(2001)
- Eisenstadt, S.N., Roniger, L. (1984). *Patrons, clients and friends: interpersonal relations and the structure of trust in society*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Gottman, J., Markman, H., Notarius, C. (1977). The topography of marital conflict: a sequential analysis of verbal and nonverbal behavior. *Journal of Marriage and the Family*, 39(3), 461–477.
- Granovetter, M.S. (1973). The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, 78, 1360–1380.
- Gray, J.A. (1995). The contents of consciousness: A neuropsychological conjecture. *Behavioral and Brain Sciences*, 18(4), 659–722.
- Huston, T.L., Levinger, G. (1978). Interpersonal attraction and relationships. *Annual Review of Psychology*, 29(1), 115–156.
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Conceptual metaphor in everyday language. *The Journal of Philosophy*, 77(8), 453–486. DOI: 10.2307/2025464
- Lawley, J., Tompkins, P. (2011). Metaphor, the body and healing. *The Capa Quarterly*, 1, 20–25.
- Lawley, J., Tompkins, P. (2011). Symbolic modelling; emergent change through metaphor and clean language. In: Hall, L.M., Charvet, S.R. (eds.) *Innovations in NLP for challenging times* (pp. 61–79). Carmarthen Wales: Crown House Publishing.
- Maslow, A.H. (1954). *Motivation and personality*. New York, Harper & Row Publishers.

- Richardson, A. (1999). Subjective experience: its conceptual status, method of investigation, and psychological significance. *The Journal of Psychology*, 133(5), 469–485.
- Riecken, H.W. (1960). Social psychology. *Annual Review of Psychology*, 11, 481.
- Sperber, D., Wilson, D. (2008). *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. Cambridge University Press.
- Steen, G.J. (2011). Deliberate metaphor affords conscious metaphorical cognition. *Journal of Cognitive Semiotics*, 5(1/2), 179–197.
- Steen, G.J. (2011). The contemporary theory of metaphor – now new and improved! *Review of Cognitive Linguistics*, 9(1), 26–64.
- Winnicott, D. (1967). Playing and reality. The location of cultural experience. *International Journal of Psycho-Analysis*, 48(3), 368–372.

Illustrations

- Ahrons, C. (2009). *The Good Divorce*. HarperCollins.
- Alvarez, J. (2020). *Afterlife*. Chapel Hill, NC: Algonquin Books.
- Bagley, M. (2018). *Divorce: A Journey of Grief, Healing and Self Discovery (Divorce, Relationships, Self Help, Happiness, Grief, Healing)*. Kindle Edition.
- Behrendt, G., Ruotola-Behrendt, A. (2005). *It's Called a Breakup Because It's Broken*. New York: Broadway Books.
- Dawson, N. (2014). *No Breakup Can Break You: The Definitive Recovery Guide for Men*. Kindle Edition.
- Elliott, S.J. (2009). *Getting Past Your Breakup: How to Turn a Devastating Loss into the Best Thing That Ever Happened to You*. Cambridge: Hachette Books.
- Fisher, B., Alberti, R. (2016). *Rebuilding (When Your Relationship Ends)*. Oakland: New Harbinger Publications.
- Harper, M. (2020). *The Beauty in Breaking*. London : Penguin Publishing Group.
- Kingma, D.R. (2018). *Coming Apart*. Fine Communications.
- Kingma, D.R. (2010). *The Ten Things to Do When Your Life Falls Apart: An Emotional and Spiritual Handbook*. Novato, CA: New World Library.
- Labossiere, S. (2019). *Love After Heartbreak. Volume I*. Veenendaal: Highly Favored Publishing.
- Miller, M. (2019). *Relationship Crisis: Solutions for couples with problems (Relationships Book 35)*. Kindle Edition.
- Miller, S. (2020). *Monogamy*. Harper.
- Piver, S. (2009). *The Wisdom of a Broken Heart: An Uncommon Guide to Healing, Insight, and Love*. New York: Atria Books.
- Priebe, H. (2016). *This Is Me Letting You Go*. Thought Catalog Books.
- Rooks, L. (2013). *Broken Heart on Hold: Surviving Separation*. Colorado: David C Cook.

**Ху Н., Ли Ц., Цзя Ц.,
Хуан И., Ван И., Бай Ц., Маэрфуха А.**

**Трансгенерационная коммуникация:
установки, стратегии, ожидания***

*НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
hny97369@gmail.com, jli_1@edu.hse.ru, a1225620357@gmail.com,
ikhuan_1@edu.hse.ru, ivan_3@edu.hse.ru, tsbay_1@edu.hse.ru,
erm64268@gmail.com*

Аннотация. В условиях наращивания темпов глобализации в фокусе внимания исследователей оказывается трансгенерационная коммуникация: все большее число ученых обращает внимание на значимость языковой политики применительно к различным категориям семей, тем самым постулируя необходимость глубокой проработки лингвистического аспекта данного вопроса. Наряду с этим обнаруживается незначительное число исследований, посвященных мультилингвизму в рамках конкретной семьи. Задача настоящего обзора заключается в анализе аттитудов и стратегий коммуникации в семейном контексте и лингвистическом окружении.

Ключевые слова: языковая семейная политика; межпоколенческая коммуникация в семье; паттерны семейной коммуникации; история семьи; насилие в семье; лингвистический репертуар.

Поступила: 01.06.2021

Принята к печати: 06.09.2021

---

* © Ху Н., Ли Ц., Цзя Ц., Хуан И., Ван И., Бай Ц., Маэрфуха А., 2021

**Hu N., Li J., Jia Q.,
Huang Y., Wang Y., Bai J., Maerfuha A.**

**Transgenerational communication:
attitudes, strategies, expectations***

*The National Research University
«Higher School of Economics», Moscow, Russia,
hny97369@gmail.com, jli_1@edu.hse.ru, a1225620357@gmail.com,
ikhuan_1@edu.hse.ru, ivan_3@edu.hse.ru, tsbay_1@edu.hse.ru,
erm64268@gmail.com*

Abstract. Against the background of global integration transgenerational communication is becoming central to linguistic research. Many researchers have attached great importance to family language policy. Yet, issues of linguistic ideologies and their importance are needed to be further explored. Furthermore, few studies focus on multilingualism within families which has profound influence on shaping language policy frameworks. Therefore, the purpose of this paper is to analyze communicative attitudes and strategies in specific family and linguistic backgrounds.

Keywords: family language policy (FLP); family intergenerational communication; family communication patterns; family background; family language violence; linguistic repertoire.

Received: 01.06.2021

Accepted: 06.09.2021

Introduction

The paper covers various studies that focus on transgenerational communication. In recent years, the emphasis of research into «family language policy» (FLP) has been increasingly placed on mobile, transnational speakers. Families composed of members of different national and linguistic backgrounds, raising their children in a country different than their own, are growing in numbers [Li, 2012]. As a consequence, attention to research on these types of families is also increasing, with

---

* © Hu N., Li J., Jia Q., Huang Y., Wang Y., Bai J., Maerfuha A., 2021

an emphasis on situations involving urban, transnational contacts. These studies generally focus on the speakers' linguistic repertoires and how these are shaped dialogically, that is, in interaction with members and agents inside the family domain [Spolsky, 2012].

Literature overview

The language of the parents has a great influence on the children, ranging from behavioral habits to the perception of the world. Many psychologists have done relevant experiments on the insinuation of language on people. For example, J.A. Bargh [Ye, 2018] used the related words «old» to insinuate people. His findings suggest that experiment participants walked more slowly and their backs became more curved. Moreover, he used «success, perseverance» and other positively connotated words to insinuate people, and found that the memory and intelligence of the subjects had been significantly improved. Everyone's words have a direct or indirect impact on others, especially when parents and children live alongside each other day and night [ibid.].

T. Curran, J.A. Samp, A. Janovec in her research pointed out that transgenerational patterns of communication orientations will affect the mental health of the next generation. Family communication patterns theory of A.F. Koerner and M.A. Fitzpatric [Koerner, Fitzpatrick, 2002a; 2002b; 2002c] claims that two cognitive orientations form family communication climates: conversation orientation and conformity orientation. The theory asserts that children develop family schemas based on the degree of emphasis on dialogue and herd orientation in their family communication climate. The children learn that their parents are the main decision makers in the family. The role of children in the family is to obey and follow the beliefs and expectations set by their parents. On the other hand, the schema developed in the low herding-oriented family promotes the independence of personality and family relations. In her research, T. Curran, J.A. Samp, A. Janovec used mother's depression as a predictor of children's reporting of family communication orientation, and used children's depression symptoms as a result of their perception of family communication orientation prove that family transgenerational patterns and family communication climate are related to the child's mental health [Curran, Samp, Janovec, 2017].

J. Macalister and S.H. Mirvahedi found that some parents happen to reject bilingualism as they are concerned that second language acquisition might result in a child's mother-tongue attrition [Macalister, Mirvahedi, 2017]. As a consequence, they quit bilingual communication with the child by speaking only one language, which brings both psychological and emotional disbalance to the child's language practice in the family as well as deprives the child of the opportunity to develop bilingual skills. It seems that parents are the most influential communication parties in children's language practices. Besides, siblings and other members of an extended family like grandparents can gradually prepare children for outside community practice in different domains as well [Baker, 2017].

J. Soler and A. Zabrodskaja emphasized the disconnection between declared language ideology and strategy [Soler, Zabrodskaja, 2017]. In their study, they argued that the multidimensionality of speakers' experiences presents different sides, some of which are made invisible in day-by-day realities of childrearing in multilingual homes, an invisibilization that may have to do with issues that transcend purely linguistic matters and are linked with broader ideologies of gender and childrearing more generally. Until now, a number of studies [Busch, 2015; Curdt-Christiansen, 2009; Hult, 2015] have already discussed issues of linguistic ideologies and their importance in the home environment. Nevertheless, few studies has been conducted in the context of family multilingualism that highlights the centrality of the notion of the linguistic repertoire and its importance in shaping particular language policy frameworks that can foster or hinder the coexistence of different languages at home [Lid King, 2017].

F. Grupp et al. conducted numerous studies and collected data on two samples of Cameroonian immigrants (asylum seekers and undocumented) living in two different European countries (Germany and France) [Relational spirituality ..., 2021]. But their sample consisted only of male participants, so the results of this study are rather biased. Therefore, one can hypothesize the influence of gender on the concept of family and its role in the explanatory model of trauma and post-traumatic stress disorder. This may be particularly important because Cameroonian society is highly patriarchal and women may have very different views on family structure and intergenerational obligations

[Ngambouk Vitalis Pemunta, 2017]. Therefore, future studies may wish to consider specifically surveying female samples.

As for family background as a sociological concept, «family» refers to a form of social organization based on marriage and kinship, «background» refers to all historical conditions or current circumstances, which play an important role in the occurrence, development, existence and change of the situation [Fang, Feng, 2018]. Family background means all the resources that a family has. Therefore, it is necessary for us to compartmentalize the family background to make the study more rigorous. Sociologists generally believe that a family background contains three parts: economic capital, social capital and cultural capital [ibid.].

As far as this study is concerned, it is reasonable to adopt the above family background division. According to previous studies, children's language development is affected by family income [Arriaga, 1998], by parents' age [Liang, 2018], by parents' occupation [Yan, 2017], by the regional environment, by the educational level of parents, family cultural environment and by other family background factors [Nur Ida Fitria, 2020].

In recent years, much of the focus of research on «family transitional communication» has been on gentle language communication. But in fact, there are also many verbal violence phenomena in family communication, and it is easier to ignore. The research by Y.P. Zenf and Y. Cheng focuses on the study of language violence in a family. Their focus is to study the linguistic violence used by parents against their children and collect a corpus of language violence instances in a family, conduct pragmatic analysis, sort out the manifestations of domestic language violence, reduce or avoid the occurrence of language violence, and promote communication between parents and children [Zeng, Cheng, 2020]. However, the research lacks specificity and individual differences, and there is no clear distinction between the differences in men and women and the differences in age groups [ibid.]. According to the questionnaire on children's physical and mental development of domestic language violence in Jiangsu Province, children who have not experienced domestic language violence have relatively better academic performance, are more lively and cheerful, and like to make friends with others. On the contrary, those who often suffer from domestic verbal violence have relatively worse academic performance. What is more, they are likely to become impatient people whose attention is less focused as well.

When it comes to digital media in the present-day society, L. Feng pointed out in his survey that the new direction of intergenerational research focuses on the research direction of the digital generation gap [Feng, 2018]. A questionnaire was made to survey the most common grandparents, fathers and children in a family. This research innovatively draws on the measurement ideas of the digital divide in economics and constructs a «digital literacy index» to more intuitively describe the degree to which the elderly have integrated into the digital society [Correa, Pavez, Contreras, 2017]. Yet, the particularity and difference of an individual is ignored in the research.

The study by M.Y. Wang, Y. Yan, and X.Y. Yu also focuses on the impact of the rapid development of the digital media on family intergenerational communication. The empirical evidence indicates that the prevalence of intergenerational communication conflicts varies in communication media, communication frequency, communication content and communication effects [Wang, Yan, Yu, 2020]. Based on the profound influence on the traditional family communication context, communication psychology and language habits, the case analysis and data analysis are used to conduct digital analysis of the status quo of intergenerational communication in the family of college students. Understanding the current situation with interpersonal communication through the digital media on behalf of the family and the family of intergenerational communication platforms requires a feasibility study.

Y.U. Li and X. Hou's study explores the intergenerational relationship of family language policies based on Spolsky's family language management theory [Li, Hou, 2021]. This study takes undergraduates in English education as an example, and collects information about parents' family language policies, children's reactions and plans for their children's future family language policies. Comparing this information, the researchers have revealed that there are both inheritance and differences in family language policies between parents and children [Yang, Cheng, Xiao, 2019, p. 1595]. In terms of language awareness, family language policies between generations are positively correlated, but language practice is not obvious in ordinary families' intergenerational inheritance relationship.

Conclusion

Based on this concise overview, it can be concluded that in most families parents play the leading role when it comes to transgenerational communication. A proper communicative mode appears to have positive impacts on children's physical and mental development, while language violence in a family can have negative influence on children's personality and even academic performance. However, more cases regarding female roles in the family need to be further introduced since women play a crucial role in transgenerational communication. Moreover, the limitation is presumably the lack of attention to linguistic repertoire because it should be attached great importance to when it comes to shaping particular language policy frameworks.

Список литературы

- Arriaga R.I.* Score on the MacArthur Communicative Development Inventory of children from low- and middle-income families // *Applied Psycholinguistics*. – 1998. – Vol. 19. – P. 209–223.
- Baker C.* Bilingual education and bilingualism. – 6th ed. – Bristol, Buffalo : Multilingual Matters, 2017. – 256 p.
- Busch B.* Linguistic repertoire and Spracherleben, the lived experience with language. – 2015. – (Working Papers in Urban Language & Literacies ; WP148). – URL: https://www.academia.edu/10278127/WP148_Busch_2015_Linguistic_repertoire_and_Spracherleben_the_lived_experience_of_language
- Correa T., Pavez I., Contreras J.* Beyond access: a relational and resource-based model of household Internet adoption in isolated Communities // *Telecommunications Policy*. – 2017. – Vol. 41(9). – P. 757–768.
- Curdt-Christiansen X.-L.* Invisible and visible language planning: ideological factors in the family language policy of Chinese immigrant families in Quebec // *Language Policy*. – 2009. – Vol. 8(4). – P. 351–375. – DOI: 10.1007/s10993-009-9146-7
- Curran T., Samp J.A., Janovec A.* Transgenerational patterns of communication orientations and depression among mothers and adult children // *Communication Studies*. – 2017. – DOI: 10.1080/10510974.2017.1318160. – URL: https://digitalcommons.usu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1352&context=lpsc_facpub
- Fang C., Feng T.* Family background and academic achievements // *Zhejiang Social Sciences*. – 2018. – Vol. 8. – P. 47–54.
- Feng L.* Research on the digital generation gap in Chinese households under the background of aging. – Shenzhen : Shenzhen University, 2018. – 16 p.
- Hult F.M.* Making policy connections across scales using Nexus Analysis // *Research methods in language policy and planning: a practical guide* / ed. by F. Hult, D. Johnson. – Chichester : John Wiley & Sons, 2015. – DOI: 10.1002/9781118340349.ch19

- Koerner A.F., Fitzpatrick M.A.* Toward a Theory of Family Communication // *Communication Theory*. – 2002a. – Vol. 12. – P. 70–91.
- Koerner A.F., Fitzpatrick M.A.* Understanding family communication patterns and family functioning: the roles of conversation orientation and conformity orientation // *Communication Yearbook*. – 2002b. – Vol. 26. – P. 37–69.
- Koerner A.F., Fitzpatrick M.A.* You never leave your family in a fight: the impact of family of origin on conflict behavior in romantic relationships // *Communication Studies*. – 2002c. – Vol. 53. – P. 234–251.
- Li W.* Language policy and practice in multilingual, transnational families and beyond // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2012. – Vol. 33(1). – P. 1–2. – DOI: 10.1080/01434632.2011.638507
- Li Y.X., Hou X.* A comparative study of family language policies between generations in China: taking English education as an example // *Foreign Language Teaching Research*. – 2021. – Vol. 1. – P. 51–55.
- Liang W.L.* Research about individual and family factors that affect normal infant vocabulary development // *Chinese Journal of Pediatrics*. – 2018. – Vol. 12. – P. 908–911.
- Lid King.* The impact of multilingualism on global education and language learning. *Cambridge English Perspectives*. – 2017. – URL: <https://assets.cambridgeenglish.org/research/perspectives-multilingualism.pdf>
- Macalister J., Mirvahedi S.H.* Family language policies in a multilingual world: opportunities, challenges and consequences. – London : Routledge, 2017. – URL: <https://www.routledge.com/Family-Language-Policies-in-a-Multilingual-World-Opportunities-Challenges/Macalister-Mirvahedi/p/book/9781138666078>
- Ngambouk Vitalis Pemunta J.* When property cannot own property: women’s lack of property rights in Cameroon // *African Journal of Economic and Sustainable Development*. – 2017. – Vol. 6(1). – P. 67–85.
- Nur Ida Fitri.* Factors affecting children’s language development // *Proceedings of the 5th ASEAN Conference on Psychology, Counselling, and Humanities (ACPCH 2019)*. – 2020. – P. 304–306. – DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200120.065>
- Relational spirituality and transgenerational obligations: the role of family in lay explanatory models of post-traumatic stress disorder in male Cameroonian asylum seekers and undocumented migrants in Europe / *Grupp F., Skandrani S., Moro M.R., Mewes R.* *Frontiers in Psychiatry*. – 2021. – Vol. 12. – DOI: 10.3389/fpsy.2021.621918. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsy.2021.621918/full>
- Soler J., Zabrodskaja A.* New spaces of ‘new speaker’ profiles: exploring language ideologies in transnational multilingual families // *Language in Society*. – 2017. – Vol. 46(4). – P. 547–566. – DOI: 10.1017/S0047404517000367
- Spolsky B.* Family language policy – the critical domain // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2012. – Vol. 33(1). – P. 3–11. – DOI: 10.1080/01434632.2011.638072
- Wang M.Y., Yan Y., Yu X.Y.* Research on family intergenerational communication of college students from the perspective of digital media // *Media Today*. – 2020. – Vol. 28(09). – P. 58–60.
- Yan J.* Investigation and analysis of influencing factors of preschoolers’ language development // *Health Education in China*. – 2017. – Vol. 1. – P. 23–25.
- Yang H.S., Cheng W.H., Xiao Z.P.* The characteristics and causes of intergenerational communication in parental rearing patterns. – 2019.

- Ye S.H. The influence of parents' language on children and suggestions // *Mental Health Education in Primary and Secondary Schools*. – 2018. – Vol. 32. – P. 71.
- Zeng Y.P., Cheng Y. Pragmatic analysis of domestic language violence // *Journal of Harbin Vocational and Technical College*. – 2020.
- Zheng S.W., Zhang J.J., Wu B.M. An investigation report on family language violence in Jiangsu province // *Chanises character culture*. – 2019. – Vol. 6. – P. 10–11.

References

- Arriaga, R.I. (1998). Score on the MacArthur Communicative Development Inventory of children from low- and middle-income families *Applied Psycholinguistics*, 19, 209–223.
- Baker, C. (2017). *Bilingual education and bilingualism* (6th ed.). Bristol, Buffalo: Multilingual Matters.
- Busch, B. (2015). Linguistic repertoire and Spracherleben, the lived experience with language. *Working Papers in Urban Language & Literacies*, WP148. Retrieved from: https://www.academia.edu/10278127/WP148_Busch_2015_Linguistic_repertoire_and_Spracherleben_the_lived_experience_of_language
- Correa, T., Pavez, I., Contreras, J. (2017). Beyond access: a relational and resource-based model of household Internet adoption in isolated *Communities, Telecommunications Policy*, 41(9), 757–768.
- Curdt-Christiansen, X.-L. (2009). Invisible and visible language planning: Ideological factors in the family language policy of Chinese immigrant families in Quebec. *Language Policy*, 8(4), 351–375. DOI: 10.1007/s10993-009-9146-7
- Curran, T., Samp, J.A., Janovec, A. (2017). Transgenerational patterns of communication orientations and depression among mothers and adult children. *Communication Studies*. DOI: 10.1080/10510974.2017.1318160. Retrieved from: https://digitalcommons.usu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1352&context=lpssc_facpub
- Fang, C., Feng, T. (2018). Family background and academic achievements. *Zhejiang Social Sciences*, 8, 47–54.
- Feng, L. (2018). *Research on the digital generation gap in Chinese households under the background of aging*. Shenzhen : Shenzhen University.
- Hult, F.M. (2015). Making policy connections across scales using Nexus Analysis. In F. Hult, D. Johnson (Eds.) *Research methods in language policy and planning: A practical guide*. Chichester: John Wiley & Sons. DOI: 10.1002/9781118340349.ch19
- Koerner, A.F., Fitzpatrick, M.A. (2002a). Toward a Theory of Family Communication, *Communication Theory*, 12, 70–91.
- Koerner, A.F., Fitzpatrick, M.A. (2002b). Understanding family communication patterns and family functioning: The roles of conversation orientation and conformity orientation. *Communication Yearbook*, 26, 37–69.
- Koerner, A.F., Fitzpatrick, M.A. (2002c). You never leave your family in a fight: the impact of family of origin on conflict behavior in romantic relationships. *Communication Studies*, 53, 234–251.
- Li, W. (2012). Language policy and practice in multilingual, transnational families and beyond. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 33(1), 1–2. DOI: 10.1080/01434632.2011.638507

- Li, Y.X., Hou, X. (2021). A comparative study of family language policies between generations in China: taking English education as an example. *Foreign Language Teaching Research*, 1, 51–55.
- Liang, W.L. (2018). Research about individual and family factors that affect normal infant vocabulary development. *Chinese Journal of Pediatrics*, 12, 908–911.
- Lid King (2017). *The impact of multilingualism on global education and language learning*. *Cambridge English Perspectives*. Retrieved from: <https://assets.cambridgeenglish.org/research/perspectives-multilingualism.pdf>
- Macalister, J., Mirvahedi, S.H. (2017). *Family language policies in a multilingual world: opportunities, challenges and consequences*. London: Routledge. <https://www.routledge.com/Family-Language-Policies-in-a-Multilingual-World-Opportunities-Challenges/Macalister-Mirvahedi/p/book/9781138666078>
- Ngambouk Vitalis Pemunta, J. (2017). When property cannot own property: women's lack of property rights in Cameroon. *African Journal of Economic and Sustainable Development*, 6(1), 67–85.
- Nur Ida Fitria (2020). Factors affecting children's language development. In: *Proceedings of the 5th ASEAN Conference on Psychology, Counselling, and Humanities (ACPCH 2019)* (pp. 304–306). DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200120.065>
- Grupp, F., Skandrani, S., Moro, M.R., Mewes, R. (2021). Relational spirituality and transgenerational obligations: the role of family in lay explanatory models of post-traumatic stress disorder in male Cameroonian asylum seekers and undocumented migrants in Europe. *Frontiers in Psychiatry*, 12. DOI: 10.3389/fpsy.2021.621918. Retrieved from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsy.2021.621918/full>
- Soler, J., Zabrodska, A. (2017). New spaces of 'new speaker' profiles: exploring language ideologies in transnational multilingual families. *Language in Society*, 46(4), 547–566. DOI: 10.1017/S0047404517000367
- Spolsky, B. (2012). Family language policy – the critical domain. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 33(1), 3–11. DOI: 10.1080/01434632.2011.638072
- Wang, M.Y., Yan, Y., Yu, X.Y. (2020). Research on family intergenerational communication of college students from the perspective of digital media. *Media Today*, 28(09), 58–60.
- Yan, J. (2017). Investigation and analysis of influencing factors of preschoolers' language development. *Health Education in China*, 1, 23–25.
- Yang, H.S., Cheng, W.H., Xiao, Z.P. (2019). The characteristics and causes of inter-generational communication in parental rearing patterns.
- Ye, S.H. (2018). The influence of parents' language on children and suggestions. *Mental Health Education in Primary and Secondary Schools*, 32, 71.
- Zeng, Y.P., Cheng, Y. (2020). Pragmatic analysis of domestic language violence. *Journal of Harbin Vocational and Technical College*.
- Zheng, S.W., Zhang, J.J., Wu, B.M. (2019). An investigation report on family language violence in Jiangsu province. *Chinese character culture*, 06, 10–11.

Информация для авторов

Научный журнал «Этнопсихолингвистика» – это периодическое рецензируемое сетевое научное издание ИНИОН РАН.

Журнал учрежден в 2017 году. С 2021 года выходит четыре раза в год. Электронный адрес журнала в сети Интернет: <http://epl-inion.org>

Журнал индексируется в РИНЦ.

Полнотекстовый архив журнала размещается на платформе Научной электронной библиотеки: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=69764>

Рукописи направляются на электронный адрес редакции журнала: epl@inion.ru, eplingua@yandex.ru в электронном виде в формате *.doc, *.docx или загружаются в систему подачи рукописей на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/send.php>

К рассмотрению принимаются ранее не опубликованные (и не находящиеся на рассмотрении в других журналах, сборниках, материалах конференций) *исследовательские статьи* и *аналитические обзоры*.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование по модели «двойное слепое рецензирование». О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Все поступившие в редакцию журнала исследовательские статьи и аналитические обзоры проверяются на наличие плагиата.

Редакция оставляет за собой право на научную и литературную правку рукописи.

Исследовательские статьи и аналитические обзоры в журнале публикуются бесплатно.

Общий объем текста одной статьи (с учетом метаданных на русском и английском языках) не должен превышать 35 000 знаков.

Авторы материалов, успешно прошедших рецензирование и принятых к публикации, направляют в адрес редакции журнала подписанный акцепт. Лицензионное соглашение и бланк акцепта размещены на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/legal.php>

Подробное описание процедуры работы над статьей, требования, предъявляемые к рукописям, тематика журнала, состав редакционной коллегии представлены на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org>